
Л67 / 98.

Л57 / 98

Н. П. ГРИШАКОВ.

Л57 / 98

ТРУДОВАЯ ШКОЛА.

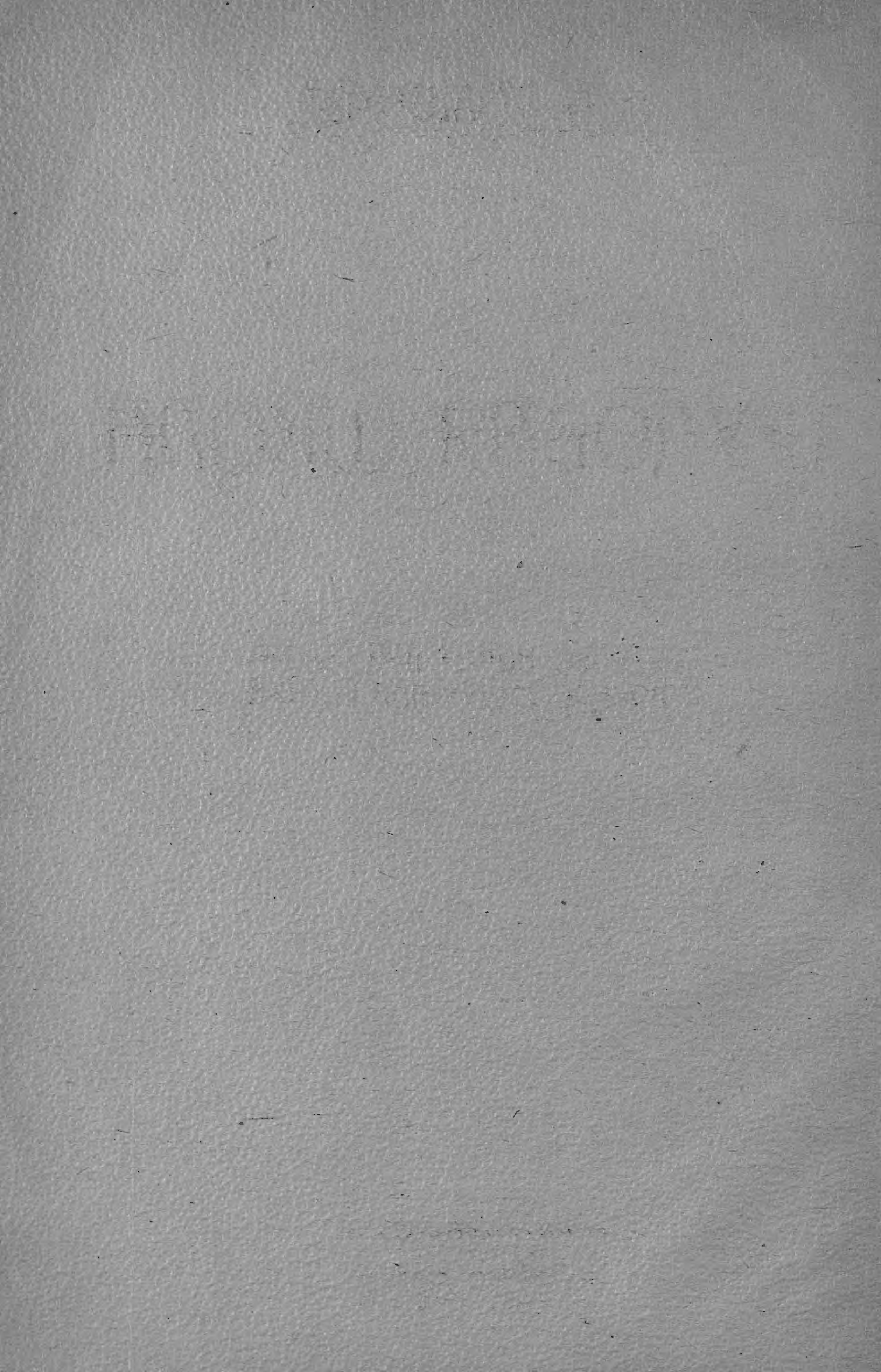
ОПЫТ НОВОЙ ШКОЛЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.

151 / 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ КНИГА“
Орел—1923.

И

38705/

Л 57 / 98

371.48 (47)

Н. П. ГРИШАКОВ.

ТРУДОВАЯ ШКОЛА

ОПЫТ НОВОЙ ШКОЛЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.

Н

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ КНИГА"
Орел—1923.

Гублит № ш/727 Изд. „Красная Книга“ № 52. Тираж 2000 экз.

Орел, Типо-литография „Труд“ Г. С. Н. Х. Зак. № 1189.

Предисловие.

Теперь, когда экономическая жизнь страны понемногу начинает налаживаться, когда фронт просвещения об‘явлен ударным, когда принципы трудовой школы теоретически признаны всеми, и вся трудность заключается лишь в вопросе организации ее практически,—теперь, нам кажется, должен быть ценен всякий опыт применения идей новой школы в России.

Руководясь изложенными соображениями и принимая во внимание, что литература по практике трудовой школы у нас еще бедна (в особенности она бедна по вопросу организации детских домов),—мы и решаемся выпустить в свет свою работу о новой школе, написанную в последние годы империалистической войны и излагающую опыт проведения в жизнь идей *трудовой школы* при старом строе. Нам думается, что наш труд может оказаться небесполезным для лиц, интересующихся вопросами организации новой школы на трудовых началах.

Автор.

Орел, 1923 г.

(Из истории Сиротского приюта).

I.

Цель новой школы—всестороннее воспитание.

Феррьер.

История возникновения сиротского приюта вкратце такова. В 1904—1905 годах помещик П. жертвует в Славяносербском уезде, Екатеринославск. губ., в 50 верстах от уездного города и в $1^1/_2$ верстах от станции ж. д., усадебное место со всеми хозяйственными постройками на нем и 50 дес. земли уездному земству, с условием употребить его на благотворительные цели. Председателем уездной земской управы в то время был Р., человек с туманным мировоззрением. Он посоветовал П. устроить на означенной земле приют для сирот уезда. В то время шла война у нас с Японией, а потому и сирот ожидалось особенно много. Г. П. взял на себя часть расходов по возведению и приспособлению построек для приюта, а земство—содержание самого приюта. Впоследствии к Славяносербскому земству присоединилось и Бахмутское. Таким образом приют должен был обслуживать два уезда. Г. Р. очень интересовался приютом и мечтал поставить его возможно высоко и широко в педагогическом отношении. Он предполагал создать из приюта „школу гениев", как он выражался. Предполагалось организовать в приюте образцовое народное училище, снабженное всеми необходимыми наглядными и учебными пособиями и подготовленным к своему делу педагогическим персоналом, проектировалось устройство разных мастерских и образцовое ведение сельского хозяйства. В приют должны были поступать дети от 6 лет и содержаться в нем до 18, т. е. до той поры, когда человек уже в состоянии сам себя содержать. За 10—12 лет пребывания в приюте мальчик должен был пройти училище, основательно изучить какое-либо ремесло и во все время своего пребывания в приюте принимать участие по нескольку часов в день в работах в саду, в поле или огороде. При чем учеников, оказавших прекрасные успехи в ремеслах, предполагалось за земский счет определять в технические училища или в какие-либо другие специальные учебные заведения, а проявив-

ших выдающиеся способности в школе—в средне-учебные заведения. Все это предполагалось в 1904 году. Но вот наступил исторический 1905 год. Политика захватила всех и каждого. Г. Р. был избран членом в первую государственную думу. Г. Н. сначала находился на Дальнем Востоке в качестве „санитара“, затем переехал в Петербург и тоже увлекся политикой. Приют, таким образом, был заброшен, хотя приспособление зданий под него и продолжалось Славяносерб. земской управой. С началом возведения построек для приюта, председатель управы стал подыскивать для заведывания приютом лицо более или менее знакомое с организацией и ведением приютского дела. Выбор пал на меня. И вот с этих пор для меня открывается возможность испытать свои педагогические силы и осуществить свои идеалы воспитания детей на деле. Тем более казалось мне все это возможным, что, как я уже сказал, ни земство, ни учредители не вмешивались фактически в организацию приюта, а наступившее время всяческих свобод содействовало тому, что школьная администрация не интересовалась приютом и тем не мешала проведению в нем новых идей воспитания. Потом все изменилось. Но в течение первых трех лет мне кое-что все-таки удалось сделать. Вот этим-то я и хочу поделиться с читателем.

Прежде чем описывать подробно постановку дела в школе, считаю нужным изложить те принципы воспитания, с которыми я приступал к организации приюта.

Вопросами воспитания я интересовался еще на школьной скамье, когда готовился к учительской деятельности. Затем, будучи уже народным учителем, я много перечитал литературы по вопросам воспитания и обучения, и составленный идеал воспитания я старался проводить в жизнь народной школы. Но неблагоприятные условия, в которых находилась наша школа всегда, не давали возможности осуществить на деле этот идеал. Затем мне пришлось быть несколько лет воспитателем в одной из земледельческих ремесленных колоний для несовершеннолетних. Тут вопросы воспитания еще более волновали меня: здесь уже на практике пришлось испытать многие идеи воспитания, раньше выработанные только теоретически. От многого пришлось отказаться, многое изменить, но зато много и приобрести прямо из опыта. Таким образом, к тому времени, когда я брался за серьезное и ответственное дело воспитания сирот, я уже имел не только теоретическую подготовку, но и некоторый педагогический опыт. Приступая к организации приюта, я отчетливо представлял себе цель, к которой должен стремиться приют в своей жизни, и план для достижения этой цели. Цель

эта в „Дневнике“, [1]) который велся педагогическим персоналом приюта, мною в одном месте формулирована так: „в виду того, что для человеческого счастья необходим организм гармонично развитый, а не однобокий, рациональное воспитание должно стремиться к всестороннему и гармоничному развитию детского существа. Вот почему я всегда старался провести в своем приюте такую систему воспитания, которая как можно шире захватывала бы всего ребенка: и умственную, и нравственную, и физическую его сторону. Только руководясь этими принципами, я старался ввести во вверенном мне приюте как можно больше всякого рода физических и умственных упражнений и устранить всякие формальности и традиции старой педагогии, стесняющей детскую подвижность, самодеятельность и любознательность. На этих же основаниях я придаю громадное воспитательное значение всякого рода детским играм, развлечениям и празднествам“. Более подробно эти принципы изложены мною в другом месте того же «Дневника». Там мною сказано: „когда я приступал к организации приюта, то мне пришлось совершенно самостоятельно вырабатывать не только форму и способы воспитания детей, но и самую цель приюта. И вот я, думая над этими формами и способами воспитания, прежде всего, хотел создать такую форму детской жизни в приюте, чтобы ею не игнорировалась ни одна сторона человеческой природы. Я желал, чтобы при приюте была такая школа, которая могла бы выпускать из своих стен детей с солидным общим образованием. Но так как нужно было считаться и с материальными средствами приюта, то я, беря во внимание недостаток таковых, остановился на двухклассной школе, как более высоком типе современной [2]) народной школы. При этом имелось в виду, что программа двухклассного училища будет расширена. Но, имея в виду умственное развитие ребенка, я никогда не упускал из виду и нравственной его стороны. Развитой ум, не опирающийся на нравственное чувство, в моих глазах никогда не имел никакой цены. Ум сам по себе—обоюдоострое орудие: он может быть употреблен как

---

[1]) Цель «Дневника» была выражена мною на его страницах таким образом: „Ведение его весьма желательно, даже необходимо, так как, не говоря уже о пользе, которую он может принести воспитателям приюта, а особенно молодым и малоопытным, имея в себе массу ценных фактов, наблюдений и мыслей за прежние годы, он—единственный документ, на основании которого может быть написана история приюта». Предназначался „Дневник“ также и для распространения в обществе рациональных идей воспитания, проводимых в приюте. С этой целью он давался для прочтения учителям и знакомым, посещавшим приют. „Воспитательский персонал приюта, говорится в „Дневнике“, с самого начала своей деятельности на педагогическом поприще решил вести дело воспитания малолетних сирот **при возможно широкой гласности**, чтобы всякий, интересующийся делом воспитания и обучения, мог бы видеть как ведется это дело наличным персоналом и так или иначе критически отнесся бы к нему. Ведь чем большее количество людей будет видеть и знать как ведется это дело, тем больше людей поймет какое это трудное и в то же время симпатичное дело. А чем большими симпатиями будет пользоваться приют, тем самое дело будет больше расти и развиваться“.

[2]) Дореволюционной. *Изд.*

на решение самой великой задачи, так точно и на совершение самой дикой подлости. Поэтому образование и все вообще воспитание, по моему мнению, должно быть направлено к выработке нравственного человека. Но человеческая жизнь состоит не только в проявлении ума и чувства, но и в самом способе этого проявления, т. е. в красивой или некрасивой форме его. Первый способ всегда доставляет человеку высочайшее наслаждение, которое только возможно в нашей „плачевной юдоли“, второй же—вызывает страдание. А поэтому и воспитание должно быть не только умственным, нравственным, но и эстетическим. Руководясь этим принципом, я в самом начале жизни приюта старался так поставить дело воспитания, чтобы в программу его входили не только научные дисциплины и ремесленные знания, вплоть до сельского хозяйства, но и предметы, развивающие, главным образом, эстетическое чувство, как пение, рисование, лепка и музыка. Затем мною же был поднят и проведен в жизнь вопрос о приглашении в приют воспитательницы-учительницы. Здесь также имелось в виду то обстоятельство, что женщина не только в нравственном отношении, но и в эстетическом сделает больше, нежели мужчина, для детей, особенно для малышей. При этом решено было пригласить воспитательницу более или менее опытную в устройстве игр и фребелевских занятий“.

В инструкции для воспитателей, которая мною была составлена много раньше открытия приюта и составления устава, цели и средства воспитания в приюте формулированы более подробно и точно. Так, в одном из параграфов ее говорится: „Основная обязанность воспитателя—знать своих воспитанников, чтобы быть умелым и авторитетным руководителем в добрых их стремлениях к совершенствованию, в пробуждении интереса к знанию, любви к занятиям и труду, в укреплении чувства правды и справедливости, в целях воспитания полезных и честных граждан на благо родины“. В другом месте той же инструкции обязанности воспитателя выражены более коротко: „На воспитателя возлагается: а) руководить занятиями учащихся, б) содействовать их нравственному и умственному развитию и в) следить за их физическим развитием“.

Для достижения вышеизложенных целей, жизнь приюта была организована таким образом, что каждый воспитанник приюта в течение года должен был работать в поле, саду, огороде, мастерской, кухне, столовой, во дворе и учиться в школе.

Распределение дня зимой (с 1 окт. по 1-е апреля) было таково. В будни дети ежедневно вставали от сна аккуратно в 6 час. утра; до половины седьмого продолжалась уборка постелей, умывание и одевание; в 6½ ч. дети шли в мастерские

и работали до 8 час.; в 8 час.—завтрак; с половины девятого до 12 час. продолжались классные занятия; в 12 час. дня обед, который длился обыкновенно до часу; с 1 до 2 дети были совершенно свободны и проводили время в играх, чтении, рисовании и т. п. В два часа по звонку дети собирались в мастерскую, где и работали до 6 час. вечера с перерывом на полчаса в 4 часа дня, когда пили чай. В 6 часов рабочий день заканчивался и дети были свободны до 7 часов вечера. В этот промежуток времени дежурными воспитателями выдавались детям (желающим, конечно) из приютской библиотеки книги для внеклассного чтения. В 7 часов дети ужинали, а затем, по желанию, одни шли спать, а другие слушать беседу или чтение дежурного воспитателя; некоторые же шли в общий зал читать взятую из библиотеки книгу или просто играть. В 9 или 10 часов засыпали обыкновенно и взрослые; малыши засыпали обыкновенно гораздо раньше: часто вскоре после ужина, а некоторые даже и до ужина. В праздничные дни дети вставали в 7 час. утра, завтракали, исполняли работы по самообслуживанию, а остальное время дня проводили в чтении книг, играх, рисовании, писали родным письма, катались на коньках, играли на музыкальных инструментах и пр.

Летнее расписание (с 1 апреля по 1 октября) резко отличалось от зимнего тем, что оно не было устойчивым, как зимнее: оно менялось всякий раз, когда того требовали сельско-хозяйственные работы или другие нужды приюта. Так, летом дети обыкновенно вставали в 6 часов утра, как и зимой, но были дни (уборка хлеба), когда все или только старшие ребята (косари) вставали в 5 час. утра. В такие дни завтрак и обед устраивались несколько раньше. Обеденный отдых летом удлинялся до 3, а иногда и до 4 часов дня. Работа в мастерских и занятия в училище уменьшались: в училище — до двух, а в мастерских — до трех часов. С 15 июня по 15-е августа занятия в училище совсем прекращались, в мастерских же занятия прерывались всего на один месяц (июль), когда мастера получали отпуск. Ежедневно в 11 час. дня все воспитанники обязаны были итти на пруд купаться. Купались многие и по вечерам, но последнее было необязательным. Рабочий день летом оканчивался в 7 часов вечера, ужин устраивался в 8, а отход ко сну в 9—10 час. В праздничные дни летом устраивались экскурсии в лес, в поле, в соседние села и деревни, на заводы и шахты, на ст. железной дороги и проч. Часто экскурсии продолжались весь день, реже — несколько часов и очень редко — несколько дней (поездка в монастырь „Святые горы“—4 дня). Те же праздники, когда экскурсий не было, дети проводили в играх, чтении, рисовании, купаньи, ловле рыбы на пруду и т. п. Если же в праздничные дни случались неотложные работы, как, напр.,

поливка капусты и цветов, сбор огурцов и томатов и т. п., то они производились и в праздники всем приютом или же только одной какой-либо группой.

Все воспитанники разделялись в первый год существования приюта на три группы (когда детей было 52 челов.), а затем (при 72 челов.) — на 4. Каждая группа была приблизительно одного и того же возраста и вверялась ведению отдельного воспитателя. Правда, эти группы строго не отделялись одна от другой: они лишь сидели отдельно в классах и имели отдельные спальни, в мастерских же и на некоторых сельско-хозяйственных работах эти группы смешивались. Всех воспитателей (с заведующим приютом в том числе) было 4. В числе их была и воспитательница. На обязанности воспитателей лежало не только руководство детьми своей группы в умственном, нравственном и физическом отношениях, но и административные обязанности. Они, как ближайшие помощники заведующего приютом, обязаны были следить за добросовестным выполнением низшими служащими (мастерами, садовником, дядьками, экономкой, кухаркой и прачками) своих обязанностей. Чтобы хотя немного облегчить тяжелый труд воспитателей, были устроены дежурства. На обязанности дежурного воспитателя лежало распределение рабочего дня согласно „наряда“ заведующего, руководство и надзор за добросовестным выполнением детьми и служащими своих обязанностей. В помощь дежурному воспитателю имелись так называемые „дядьки“. Дядьки должны были вместе с воспитанниками работать (вместе с детьми часто работали и воспитатели, но это было необязательно) и помогать слабейшим. Спать и есть они тоже обязаны были с воспитанниками. Дядек на 70 душ детей было всего двое. В дядьки брались обыкновенно молодые, но серьезные, грамотные и трезвые люди. В мастерских руководили детьми особые мастера, а в саду и поле—садовник. Общий же надзор и руководство всеми лежали на заведующем приютом.

Чтобы было больше единства и интереса к работе, в приюте существовал педагогический совет, в состав которого входили не только все воспитатели, но и мастера с садовником. Каждый член совета имел право вносить в совет свои соображения о наилучшей постановке дела в приюте; если в решении какого-либо вопроса не было единодушия, он решался голосованием, причем при равенстве голосов--голос заведующего приютом имел решающее значение.

На второй год существования приюта, когда дети свыклись с приютом и своими воспитателями, им было дано в некотором роде самоуправление. Каждый класс имел право выбирать из своей среды „уполномоченного“, который докладывал заведующему и педагогическому совету о нуждах своей группы, а

также следил за порядком в ней. Выбранные уполномоченные в большинстве случаев оказывались на высоте своего призвания и несли свои обязанности безукоризненно, чем в большой степени и облегчали труд воспитателей. Кроме выбора уполномоченного по классам, все воспитанники имели право собираться по требованию 10 человек из своей среды или по желанию заведующего или же по постановлению педагогического совета на общее собрание. В этом собрании обыкновенно обсуждались порядки приюта, поведение воспитанников и другие вопросы, касающиеся интересов приюта и доступные детскому пониманию. Более подробно о детских собраниях будет мною сказано ниже.

II.

> **Школа, пренебрегая физическим воспитанием в интересах якобы интеллектуального развития, упускает из виду, что умственному труду наиболее благоприятствует такое состояние, при котором в должной мере удовлетворены и остальные жизненные потребности.**
>
> **Клечковский.** [1])

Изложивши в общих чертах принципы, на которых была построена жизнь приюта, я теперь более подробно остановлюсь на физической стороне воспитания в приюте. Что в современной [2]) школе эта сторона воспитания в загоне—это известно всем и каждому. А между тем выдающиеся педагоги и ученые теперь доказали, что игнорирование физической стороны воспитания страшно вредно отзывается не только на организме воспитанника, но и на всем его существе, а значит и на успехах в науках, а тем более в жизни. Лакомб [3]) говорит: „Физический труд вносит равновесие в нашу нервную систему и благотворно действует на весь организм. Он поддерживает доверие к своим силам и бодрый взгляд на будущее. Кроме того, основательное изучение какого-нибудь ремесла помогает ребенку хоть отчасти освободиться от предубеждения, до сих пор тяготеющего над физическим трудом“.

„Нашу учебную школу должно превратить в трудовую школу, примыкающую к школе раннего детства“, говорит Кершенштейнер [4]). Это возможно лишь таким путем, чтобы с самого начала обучения более упражнять творческие силы детей и, по возможности, в среде, подобной той, с которой связывают ребенка его личные склонности и хозяйственная трудовая

---

[1]) „Современное воспитание и новые пути по Эльсландеру“.
[2]) Дореволюционной. *Изд.*
[3]) Воспитание, основанное на психологии ребенка.
[4]) Трудовая школа.

обстановка семьи, и в которой применялась деятельность ребенка до школы и во время прохождения школы". „В мастерской и в кухне, в саду и в поле, на скотном дворе и у рыбацкой лодки, дети всегда рады поработать. Тут для них самая полезная школа. Тут их растущий ум живо схватывает тысячи вещей, тут развивается у них множество умений, бессознательно усвояемых мускульным чувством. Тут в особенности учатся они чувствовать отклики общественной жизни в своей личной деятельности. Они узнают, какие отношения создает между людьми общественная жизнь, какова зависимость малого от большого, но также и большого от малого. Они приучаются итти навстречу и помогать как своему, так и чужому, утешать печального, кормить голодного, поддерживать утомленного, ободрять унылого, и совершенно так, как в играх, действовать заодно, входить в состав общественного организма". [1])

Принимая во внимание сказанное о физическом воспитании, я старался возможно лучше поставить в приюте эту сторону воспитания. Прежде всего, было обращено самое серьезное внимание на пищевой режим детей. Как уже было сказано выше, дети принимали пищу в течение дня четыре раза. Утром давался чай с молоком и пшеничным хлебом собственного производства, [2]) за обедом в будни давалось два блюда: на первое—суп или борщ, на второе—3 раза в неделю жаркое, впоследствии мясо давалось только два раза в неделю—дети сами отказались от третьего раза; в остальные дни давались или жареный в масле картофель, или молочная каша, или лапша, или что-либо из овощей; по праздникам на третье давались кисель, компот или же свежие фрукты и ягоды из своего сада.

В 4 часа дети опять пили чай с хлебом и в 7 час. вечера ужинали. На ужин давались сельди, кулеши, кисели, молоко, пироги и т. п.

Насколько дети поступали в приют истощенными, видно из того, что в первое время по поступлении в него с'едали до пяти тарелок супу, потом же ели не более тарелки. Все, кто бывал в приюте, удивлялись упитанности детей. На чистоту тела и воздуха в помещениях тоже было обращено должное внимание. Еженедельно дети меняли постельное и нижнее белье, зимою ходили в баню, а летом ежедневно купались в приютском пруду. Детские спальни находились в совершенно отдельном здании от кухни, столовой и классных помещений. Как только дети уходили из спален, дежурные воспитанники

---

[1]) Кершенштейнер. Трудовая школа.

[2]) В приюте было 50 дес. земли, на которой дети сеяли не только овощи, но и хлебные растения.

убирали полы в спальнях, в умывальной комнате и везде открывали на весь день—зимой форточки, а летом—окна.

Пребывание в спальнях днем запрещалось.

Как уже мною было выше сказано, в приюте были организованы работы в мастерских, в саду, поле и огороде. Этими работами преследовалась не только экономическая сторона приюта (детские работы для приюта были большим подспорьем в хозяйственном отношении), но, главным образом—воспитательная. С этой целью работы были распределены таким образом, чтобы каждый питомец ежедневно мог несколько часов провести на свежем воздухе, в особенности летом. При этом имелось в виду не утомлять детей однообразной работой, а потому при первой возможности работа менялась или, в крайнем случае, чередовалась с отдыхом, а малыши почти всегда отпускались с работы много раньше старших.

В приюте преподавались ремесла: столярное, кузнечное и слесарное. Столярная мастерская была организована раньше других. Дело обучения в мастерских было поставлено таким образом: вновь поступивший воспитанник определялся непременно в столярную мастерскую (если его возраст позволял ему работать в этой мастерской: раньше двенадцати лет дети за верстаком не работали), где он работал не менее года. Если он оказывал хорошие успехи в этой мастерской и не из'являл желания переходить в другую мастерскую, то он здесь и оставался до конца своего пребывания в приюте и специализировался в столярном мастерстве, если же тут оказывал успехи средние или слабые, то переводился в кузнечную мастерскую. Здесь тоже работал около года, а иногда и больше, а затем уже переводился в слесарную мастерскую. Кузнечная и слесарная мастерские находились в одном помещении и имели общего мастера-преподавателя. Такой порядок обучения ремеслам был введен, как в целях всестороннего развития питомца, так и затем, чтобы помочь ему найти ремесло, соответствующее его природным склонностям. В поле, саду и огороде тоже работали все воспитанники, но не в одинаковой степени. Младшие и средние питомцы больше работали на открытом воздухе, а старшие, особенно в последние годы своего пребывания в приюте, большую половину рабочего дня проводили в мастерской, за исключением, конечно, июля месяца, когда мастерские совсем закрывались. Правда и в этом месяце все необходимое для полевых работ, как-то: грабли, косы, мотыги и т. п. инструменты приготовлялись, налаживались и починялись в мастерских, но эта была случайная, а не систематическая работа и производилась она детьми часто совершенно самостоятельно, без мастера.

Кроме работ, в приюте обращалось серьезное внимание на игры. Потребность в играх и развлечениях так же

свойственна человеку, как и потребность в чистом воздухе, хорошем столе, тепле и свете. Без этих элементарных, но в то же время и главных факторов нашего физического и психического здоровья, человек не может быть счастлив. Игры и развлечения играют громадную роль в жизни и взрослого человека, у детей же они—альфа и омега их существования. И это вполне понятно. Детский организм, переполненный жизненной энергией, стремящейся к реализации себя, все-таки еще настолько слаб, что не в состоянии более или менее продолжительное время исполнять одну какую бы то ни было (физическую или психическую) работу: его мускулы и нервы быстро утомляются и стремятся к отдыху, к перемене работы. Раз ребенок устает скоро, то, казалось бы, он должен был бы отдыхать, т. е. сидеть или лежать смирно, на самом деле мы видим как раз обратное. Это об'ясняется тем обстоятельством, что во всякой работе принимает участие не весь организм равномерно, а определенная его часть или известная группа мускулов, или только группа нервных центров. А так как энергия, заключенная в остальных группах мускулов и нервных центрах организма, попрежнему ищет выхода для своего израсходования (человек всегда испытывает громадное удовольствие, как при накоплении всякого рода энергии, так и при ее нормальном расходовании), то человек и стремится переменить работу, т. е. бросить ту, над которой утомился, которая надоела, и взяться за ту, которая приятна, для которой имеются силы. Ввиду же того, что нервные центры и мускулы у ребенка утомляются гораздо скорее, нежели у взрослого, первый скорее и бросит начатую работу и перейдет к другой, а там к третьей и т. д. до тех пор, пока не утомится весь его организм. Но так как в детском организме все жизненные процессы совершаются гораздо быстрее и основательнее, чем у взрослого, то часто ребенок, перепробовавший массу дел, возвращается к первоначальному, потому что в это время утомившиеся было центры успели уже отдохнуть. Нервные дети на том же самом основании еще более подвижны, непосидчивы и неустойчивы, нежели здоровые. Мне могут заметить, что не все же дети одинаково подвижны и непостоянны, есть дети довольно устойчивые, с известными симпатиями и стремлениями (одни, напр., стремятся к умственным занятиям, другие же, наоборот, к физическим и даже с симпатиями к одной определенной групе занятий в той или другой области) и есть даже вялые и неподвижные! Совершенно верно—все это есть. Но исключения не подрывают правила, так как они имеют свои причины и об'яснения. Вялые дети—это большею частью больные и малокровные дети, т.е. как раз такие дети, жизненная энергия которых очень слаба. Дети же здоровые, но с известными

устойчивыми симпатиями—это те дети, которые или по наследству от родителей получили эти симпатии, или же, благодаря какой-нибудь случайности, развили их упражнением. Всем известно, что всякий орган при правильном упражнении растет и увеличивается, т. е. в нем накопляется все больше и больше жизненной энергии, которая, в свою очередь, будет требовать своего израсходования, т. е. заставит человека упражнять опять-таки этот орган, а не какой-либо другой, более слабый, атрофированный. Большинство приютских детей к тому же вовсе не привыкло к систематической работе, а потому всякая более или менее продолжительная и однообразная работа страшно их утомляет и тем отталкивает от себя. Во время игр дети часто гораздо больше растрачивают энергии, чем за самой трудной работой и, тем не менее, игры их так не утомляют, как работа, а потому и не вселяют к себе отвращения. Об'ясняется это также и тем интересом, который имеется на лицо во всякой игре, иначе дети не станут играть. Не чувствуют дети утомления во время игры еще и потому, что во всякой детской игре принимают более или менее участие все органы тела и способности души. В общей сумме энергии затрачено много, но на каждый орган ее приходится сравнительно мало. Вот почему для детей так интересны всякие игры и работы, которые дают возможность принять в них участие многим органам души и тела, или даже, если и некоторым, но тем, которые не работали некоторое время совсем или же очень мало работали известную работу и тем накопили энергию. Органы же, никогда неработавшие или мало работавшие, обычно быстро утомляются. А потому детям надо давать всегда такую работу, чтобы она представляла для них предмет новизны, но не абсолютной, а коренящейся на подготовленной заранее почве. Вот почему дети так набрасываются на столярные и кузнечные работы и так равнодушны (мальчики) к мытью, полосканью белья и мойке полов.

Какие игры и работы производились в приюте и как производились, об этом будет сказано в главе „Годовой обзор жизни в приюте“.

III.

> Нужно помогать детям свободно развиваться путем их собственного опыта, а не пичкать их только знаниями.
>
> Э. Кросби.

Мысли, высказанные Кросби, всегда полагались в основу школьных занятий и вообще умственного развития в приюте. Все предметы обучения преподавались, главным образом, практически, а не теоретически, как это делается в большинстве

случаев современной[1]) школой. Те же из них или части их, которые трудно было пройти практическим путем, преподавались при помощи наглядных пособий. Поэтому приют старался приобретать возможно больше и лучшие наглядные пособия по всем предметам школьного обучения. В приютском училище преподавались следующие предметы: русский язык, арифметика, геометрия, история, география, естествознание, лепка, рисование, черчение, пение и музыка. [2]) По уставу приютское училище считалось двухклассным и равнялось по правам министерским двухклассным училищам, но благодаря тому, что в приюте была постановка преподавания всех предметов совершенно иная, нежели в министерских училищах, а также, благодаря тому, что большинство из детей должны были прожить в приюте от 10 до 12 лет и все это время могли посещать училище, то программа училища проходилась глубже и шире, и вообще питомцы приюта получали более высокое умственное развитие, нежели в министерских двухклассных и городских училищах. Как я уже говорил выше, училище приюта состояло из четырех классов — отделений (затем оно должно было постепенно расшириться до шести классов): в первом классе обучались безграмотные мальчики, во втором—более сильные в грамоте и в третьем и четвертом—самые сильные. Система преподавания была смешанная, т. е. отчасти предметная и отчасти классная. Так, в первых двух классах почти все предметы преподавала воспитательница приюта. До обучения грамоте она же преподавала малышам фребелевские работы, а также вела детские игры. Заведующий приютом преподавал арифметику в двух младших классах и геометрию в старшем. Один из воспитателей занимался по всем предметам, кроме геометрии и рисования с черчением, в третьем и четвертом классах. Лепку, рисование и черчение во всех классах преподавал специалист этих предметов. Пение преподавалось спорадически, когда в приюте имелся воспитатель, знающий этот предмет. Музыку преподавал столярный мастер. [3]) Садоводство — садовник; сельское хозяйство — заведующий и садовник. Кузнечное и слесарное мастерства — специалист по этим предметам. Относительно преподавания ремесл и искусств я скажу в другом месте, а теперь скажу несколько слов относительно преподавания так называемых общеобразовательных предметов. Русский язык преподавался, главным образом, в виде об'яснительного чтения и упражнений в изложении детьми своих мыслей устно и письменно: грамматическая сторона языка и орфография не выдви-

---

[1]) Дореволюционной. *Изд.*

Я не говорю о преподавании так назыв. „закона божьего“. т. к. это сейчас ни для кого не представляет интереса.

[3]) Этот мастер участвовал раньше в оркестрах и был даже одно время капельмейстером.

гались на первый план. Благодаря такой постановке преподавания этого предмета, дети любили родной язык, с большим интересом относились к книге вообще, любили писать сочинения и много читали. Только благодаря этой любви к писанию „сочинений", можно было об'яснить существование детского журнала „Весна", выходившего почти ежемесячно в виде об'емистых тетрадей, до 100 страниц каждая. Правда, в этом журнале участвовали и воспитатели, но это участие было сравнительно редким (кроме заведующего, который в каждом номере помещал обзор жизни приюта за месяц), а некоторые из воспитателей и совсем ничего в нем не помещали. Кроме рассказов, сказок, стихотворений, описаний путешествий, экскурсий и событий из жизни приюта, дети помещали в журнале и свои рисунки, иллюстрирующие рассказы или же на отдельные темы. При преподавании арифметики преподаватель не только пользовался обычными наглядными пособиями, как арифметический ящик, шведские и торговые счеты и т. п., но дети на счетах подсчитывали приход и расход в приюте зерна, овощей, каменного угля, подводили итог стоимости библиотеки и др. инвентаря. Задачи решались тоже главным образом на хозяйственные темы приюта. Детям часто поручалось отвесить из амбара для скота или даже для кухни муки, зерна и т. п. Поручались им иногда и мелкие покупки в местной сельской лавочке. Вообще дети приучались применять свои школьные познания к жизни самостоятельно. При прохождении геометрии все главы, касающиеся землемерия, проходились на приютском поле и огороде. Инструменты, необходимые для этого, были сделаны самими учениками в мастерской. Так были сделаны—линейки, наугольники, эккер, циркуль, транспортир и астролябия (упрощенная). Измерение расстояний между известными точками, не подходя к ним, высота дерева или здания, детей весьма занимало и делалось ими с большим увлечением. Когда нужно было земству отграничить приютскую землю от соседней, оно прислало в приют для этой цели своего землемера. В помощь ему были даны ученики, проходившие геометрию. Землемер был в восторге от сообразительности и расторопности своих помощников. Естествознание тоже проходилось на опытах и на живых, так сказать, примерах из жизни местной природы. Так, при прохождении ботаники изучались по преимуществу растения, произрастающие в приютском хозяйстве или в его окрестностях. Для этой цели эти растения или приносились в класс, или же весь класс шел изучать их в сад, поле или огород. То же самое делалось и при прохождении зоологии. Все это тем более легко было сделать, что дети в большинстве случаев уже были знакомы из своей личной жизни с этими растениями и животными и преподавателю только оставалось обратить вни-

мание детей на стороны животного или растения, малоизвестные детям или совсем им неизвестные, или же обобщить уже известный материал и вывести какой-либо закон жизни животного или растения. Таких же методов преподавания держались воспитатели и при преподавании других предметов, памятуя слова Шмейля: „Лишь прилежное наблюдение, самостоятельное рассматривание и самостоятельное исследование дадут возможность изгнать из школы злейшего врага всякого умственного развития—пустословие“.

Благодаря такому способу преподавания учебных предметов, не было нужды в задавании уроков на дом, а также почти не замечалось инертного отношения к школе. Наоборот, школа служила местом отдыха. Такое отношение питомцев к школе отчасти об'ясняется еще и тем, что школьных часов ежедневно в приюте было немного: зимой—3½ (4 урока по 45-ти минут каждый и тремя десятиминутными переменами) и осенью и весною — всего 2 часа (два урока), а также разнообразием программы. Подтверждение этому можно найти в „Дневнике“ от 7 января 1907 года. „Кончились святки. Детвора за праздники так наигралась, что сама давно рвется в школу. Уже несколько дней подряд многие спрашивают: „Скоро пойдем в школу?“ Сегодня тоже было несколько вопросов: „А завтра пойдем в школу?“ Школа у нас, таким образом, не является пугалом, которого так боятся дети не только народной школы (конечно, не всякой), но и средней (большей частью). Я сам помню, с каким тяжелым чувством отвращения, бывало, переступаешь порог школы после зимних и пасхальных каникул (про летние этого сказать нельзя, так как за лето нервная система настолько успевала отдохнуть, что даже предстоящие тяжелые и скучные школьные занятия не пугали, а привлекали уже в силу того, что представляли предмет новизны после летнего отдыха); это чувство похоже на то, которое больной испытывает, когда принимает отвратительное на вкус лекарство, вроде касторки: оно неприятно до-нельзя, но пьешь его, так как сознаешь, что как оно ни неприятно, но если не хочешь еще большей неприятности, то должен выпить его. В нашу же школу дети „бегут сами“.

В июне занятия были прекращены. И вот по этому поводу, что мною в „Дневнике“ записано. „Прекращение школьных занятий произвело на детей скорей неприятное впечатление. Дети очень просили продолжать заниматься, и только тогда успокоились, когда я пообещал прервать занятия только на полмесяца, до 1-го июля, когда опять начнем заниматься ежедневно, хоть по одному часу после обеда“.

Внимание, которое уделялось умственному развитию детей, не ограничивалось школой. Вся жизнь, весь режим приюта

содействовали тому, особенно же способствовали этому внеклассные беседы и чтения с детьми. Эти чтения и беседы производились обыкновенно дежурными воспитателями по вечерам в будни и в любое время дня в праздники. В праздничные дни, в особенности в большие праздники, или в знаменательные годовщины каких-либо исторических событий, как 19-е февраля, столетие со дня рождения Гоголя и т. п., устраивались литературные утра, елки, ставились спектакли и проч. Эти празднества доставляли детям не только удовольствие, но и развивали их умственно и укрепляли волю (подготовка к ним). Вот как описаны мною в „Дневнике" чтения дежурных воспитателей, первая елка, препровождение масленицы, Пасхи и 19 февраля. Начну с чтений. „В 8 часов вечера, кто хотел из детей спать, тот отправлялся спать, а кто спать не хотел, тот обыкновенно шел слушать чтение или беседу, устраиваемую дежурным воспитателем, или же отправлялся в рекреационный зал для игры или чтения книги, полученной из библиотеки. Как чтения, так и беседы воспитателями сильно разнообразились, вследствие чего они не только не надоедали детям, но, наоборот, служили приятным времяпрепровождением. Что это так, доказывается тем фактом, что дети всегда спрашивают дежурных воспитателей — „будете ли сегодня читать?"—и если нет, то обыкновенно начинается усиленная просьба почитать что-либо. Такая охота к чтениям, устраиваемым учителями по вечерам, об'ясняется не только разнообразием чтений и бесед и их интересным содержанием, но и тем, главным образом, обстоятельством, что они не носят обязательного характера. Чтения же эти и беседы полезны для детей не только тем, что отвлекают их от шалостей, но главным образом тем, что развивают их умственный и нравственный кругозор и приохочивают к книге". Как иллюстрацию к сказанному о чтениях и беседах воспитателей, приведу другое место из того же „Дневника". „Вечером, по обыкновению, читал для детей вслух. На этот раз мною прочитана была книжка „Старое и новое". Это—рассказ из французской деревенской жизни (изложен по Бурду в издании Слепцовой „Книжка за книжкой"), в котором изображается борьба—старого невежества и тьмы с новым — светом и прогрессом. Старое в рассказе воплощено в образе деда Мюзеля, стремящегося только к наживе, живущего в грязной и первобытной обстановке, несмотря на то, что имеет возможность по своим средствам жить в более опрятной и удобной обстановке. Всякие удобства он считает ни к чему ненужными новшествами, ненавидит горожан, которые чисто живут и, по его мнению, ничего не делают. С ненавистью он относится и к своей внучке Терметте, жившей в детстве в городе у своей тетки и привыкшей к более опрятной обстановке и передовому, в сравнении с деревней, образу мыслей. С таким же чувством он относится

и к Марку, молодому парню, бывшему в солдатах и видевшему другую жизнь. Марк стремился убедить своих односельчан в необходимости устройства в деревне моста через речку, исправления дороги и отведения места под железную дорогу. Мюзель этому противился, как вредным новшествам, и, как сильный волей и богатый крестьянин, убедил и перетянул на свою сторону всю старую деревню, за исключением молодежи. И деревня осталась: и без моста, и без дороги, и без вокзала. Но прошли годы. Крестьяне впоследствии сами увидели, сколько они потеряли с недозволением провести через свою землю железной дороги, и как плохо быть без хороших путей сообщения. Марк же вел свое хозяйство блестяще, а жена (он против воли Мюзеля женился на его внучке Терметте) ему во всех его стремлениях содействовала. Вся деревня оценила Марка, стала соглашаться с его советами и предложениями, и деревня Коландр (так называли эту деревню) вскоре сделалась неузнаваемой: в ней были и хорошие дороги и устроен отличный мост, заведены машины и введена лучшая обработка земли, открыта, наконец, школа, и деревня быстро пошла вперед по пути света и прогресса.

Старшим детям книга очень понравилась, и беседа с ними по поводу ее затянулась за 10 часов вечера". 1 января 1907 года мною в „Дневник" занесено: „Дети за время своего пребывания в приюте (4 месяца – приют был открыт 31 августа 1906 года), поздоровели не только в физическом, но и в умственном и нравственном отношениях. При поступлении в приют вся эта масса детей представляла из себя беспорядочную толпу в дисциплинарном отношении, невежественную—в умственном и дикую и жестокую—в нравственном. Теперь многие из них совершенно переменились. Доказательством к сказанному может служить сегодняшний день. Дети с самого раннего утра и до темной ночи, пока легли спать, вели себя прекрасно Весь день были заняты елкой: одни готовили стихотворения и басни и дружно их репетировали; другие готовили инструменты-игрушки, требующиеся при исполнении басен в лицах; третьи рассказывали малышам, не видавшим никогда елки, что такое елка; четвертые сами расспрашивали меня и товарищей про предстоящую елку. Некоторые с таким нетерпением ожидали елку, особенно ни разу ее не видавшие (а таких большинство), что вечером, после елки, мне говорили: „Сегодня день был очень длинный, я думал, что он и не кончится". Сама елка прошла чудно: стройно, бодро и даже восторженно. Басни говорились детьми прекрасно, песни пелись с удовольствием, игры прошли с увлечением. Елкой и подарками дети остались весьма довольны. Легли спать все раньше обычного. Очевидно, масса приятных впечатлений утомила детские головки, и они скоро и крепко уснули Все выше-

изложенное достигается не строгими взысканиями и наказаниями, а исключительно благожелательным и любовным отношением воспитателей к воспитанникам, развитием в детях нравственного самосознания и человеческого достоинства, основанных на действительных данных человеческого познания и ума“. Под 1—4 марта 1907 года о значении праздничных развлечений мною сказано следующее. „Воспитательский персонал приюта, стремясь неуклонно к осуществлению задач воспитания, изложенных подробно в инструкции воспитателям приюта и всецело разделяемых им, при всяком удобном случае старается провести их в жизнь. С этой целью мы стараемся использовать не только часы труда в школе, мастерских, во дворе, саду и поле, но и свободное время детей, часы отдыха и развлечений. Особенное внимание нами обращено на праздники, когда у детей имеется много свободного времени, которое без разумного руководительства дети могут провести не только без пользы для себя, но и прямо во вред себе. Дети, не имея еще определенных взглядов на жизнь, ни целей в будущем, склонны обыкновенно жить настоящим моментом. Не имея же в окружающей среде примеров благородного препровождения свободного времени, они, понятно, подражают тому, что видят, т. е. пустоте и безобразию. В виду всего изложенного, мы, воспитатели, и дни масленицы решили провести возможно продуктивнее для целей воспитания. В четверг до 12 час. дня дети работали то в мастерской, то занимались в классах. С 12 часов они были свободны—началась масленица. Сейчас же после обеда дети принялись за игры, кто во что горазд: одни побежали во двор, чтобы покататься с горки на салазках, поиграть в снежки, другие—расселись в столовой и принялись за любимые ими занятия: рисование, вырезывание из картона разных фигурок, плетение, клейку домиков и проч., третьи—взялись за чтение книг, и только четверых я назначил на работу—резать для корма скота солому на дни масленицы. Несмотря на то, что все дети гуляли, а этим 4-м приходилось работать, они не подумали протестовать (детям никогда не запрещалось высказывать свои удовольствия и неудовольствия вслух), как только им об'яснили причину такого назначения. Пятница прошла в таких же развлечениях и играх. В субботу к сказанному был прибавлен граммофон, а вечер пошел на мытье в бане. Но особенно содержательно был проведен последний день масленицы, воскресенье (4-го марта). В 12 час. был, по обычаю, обед, вслед за которым членом правления приюта У. было устроено катанье на лошадях. Так как катанье было устроено по всем правилам искусства—с колокольчиками и бубенчиками, то детвора от него была в восторге. Особенно им понравилось то обстоятельство, что одни сани с кучей ребят опрокинулись в сугроб. Рассказывали с удовольствием про

этот случай не только те, которые видели его со стороны, но и сами „пострадавшие". По просьбе детей сегодня не было чаю в 4 часа дня, зато ужин был назначен на 6 час. вечера (обыкновенно дети ужинают в 7 час). Это было сделано с той целью, чтобы пораньше начать „литературно-вокально-музыкальный вечер", назначенный нами на этот день. Вечера детвора ожидала с нетерпением. Программа вечера была составлена содержательно и разнообразно, и интересовала не только детей, но и многих взрослых, как служащих приюта, так и некоторых соседей-учителей. Вечер начался около семи часов, а закончился ровно в 10 часов ночи. Программа была выполнена чудно. Стихотворения, почти все, говорились прекрасно, особенно хорошо сказали воспитан. М. и Б. Замечательно хорошо была исполнена воспитанниками в лицах басня „Демьянова уха". Появление действующих лиц в соответствующих костюмах и чудное исполнение произвели в детях настоящий фурор. Пение прошло тоже очень хорошо: дети пели стройно и с воодушевлением. Граммофон детворе весьма понравился; особенно же произвели сильное впечатление анекдоты, разсказанные на граммофоне и смех. Детвора хохотала „до упаду". Что же особенно воодушевило и внесло веселье в среду детей, так это игры, устроенные воспитателями. Апогея же веселья достигло, когда под игру на скрипке (в то время оркестра в приюте еще не было), дети начали плясать „русский" танец и в нем принял участие воспитатель Ц. Тут буквально все заходило, заплясало и захлопало в ладоши от удовольствия. Участие взрослых в играх и развлечениях детей еще больше сближает и роднит их с питомцами и об'единяет весь приют в одну большую и дружную семью. Я говорю „весь приют" потому, что на вечере присутствовали все служащие приюта со своими семьями. Наши воспитанники, несмотря на то, что специально им никогда не внушалось правил светского этикета и приличий, тем не менее, по отношению к гостям, взрослым и детям вели себя замечательно приветливо и просто, так что посторонние поражались их культурностью. В общем вечер доставил громадное удовольствие не только воспитанникам, но и их воспитателям". А вот что записано в „Дневнике" относительно пасхальных праздников.

Благодаря прекрасной солнечной погоде, дети с раннего утра высыпали на двор и в сад, где и начались игры и беготня. В этот день им впервые был выдан большой ножной мяч и показана игра—„футбол". В игре принимали участие не только воспитанники и дядьки, но и воспитатели с заведующим приютом во главе. Весь первый день пасхи прошел весьма оживленно и весело. О доме и домашних не было и помину. Наоборот, некоторые дети перед праздником даже не хотели уезжать

домой, как напр. Ф. Г. Сколько бабушка его ни упрашивала, он со слезами отказался ехать и даже спрятался от нее. Вечером приехал за ним старший его брат, и только последнему, после всевозможных обещаний, удалось уговорить его поехать домой. На второй день праздников воспитанники и воспитатели совершили прогулку па курганы, находящиеся верстах в четырех от приюта (самая высшая точка не только в окрестностях приюта, но и Донецкого кряжа). Здесь дети воочию убедились, насколько высота имеет значение в смысле наступления весны: в то время, когда в окрестностях приюта везде уже давным давно не только стаял снег, но и пересохла земля, вокруг курганов стояла еще весенняя грязь. С вершины курганов открывается чудный широкий горизонт, и дети с восторгом любовались в бинокли (с нами было 2 бинокля) далекими окрестностями. Некоторые мальчики тут же устроили игру в футбол, другие же собирали цветы и лакомились щавелем. С курганов возвратились довольно поздно вечером, поужинали и сейчас же улеглись спать, т. к. дневная усталость взяла свое. Часть же детей под руководством воспитательницы направилась с удочками в руках на приютский пруд удить рыбу. Третий день праздников тоже прошел среди игр и развлечений. С четвертого же дня начались работы в саду и огороде.

А вот как описано в „Дневнике" празднование 19 февраля воспитателем Ц. „Признавая всю важность празднования таких событий, мы, воспитатели, задумали употребить этот день для названных целей (воспитательных)... Часов около 10 утра мы, воспитатели, вместе с детьми отправились в школу, где заведующий приютом, спросив у детей, чем замечателен сегодняшний день и получив удовлетворительный ответ, рассказал им краткую историю развития крепостного права и причины его падения. Одним из учеников было прочитано стихотворение Майкова „Картинка", после чего мной с детьми была пропета песня „Ах ты, воля, моя воля". Затем было прочитано стихотворение Некрасова: „У парадного под'езда". Как то, так и другое ярко обрисовывали картину крепостного состояния. Эти стихотворения произвели на детей глубокое впечатление. Этим окончилось утреннее празднование этого дня, а вечером мы его возобновили. Весь вечер прошел в играх. Дети так резвились, с таким увлечением играли, что мы едва-едва выбрались из школы к 10 часам вечера. Долго дети не могли заснуть, и все вели разговоры на темы, близко касающиеся сегодняшнего дня. Но вот все стихло, и дети уснули".

Чтобы не утомлять внимания читателя, не стану приводить описаний времяпровождения в другие праздничные дни.

IV.

> Если правда, что уже один вид красоты оказывает благотворное влияние на душу взрослого человека и делает ее способною ощущать все прекрасное, истинное, великое и возвышенное, то такое влияние должно быть еще гораздо больше и действительнее, если дело касается чрезвычайно нежной и восприимчивой для всякого впечатления детской души. Гольдаммер.

Развитию в детях эстетического чувства придавалось в приюте большое значение. На развитие этого чувства в детях воспитатели смотрели как на удовлетворение одной из главнейших потребностей человеческого существа. В подтверждение справедливости сказанного опять сошлюсь на „Дневник". За 3-е февраля 1908 года мною там, между прочим, занесено: „Пение велось с самого начала моей деятельности в приюте воспитателем Ц. Оно приносило огромное детям удовольствие, отвлекало их от дурных шалостей и приучало к более изящным развлечениям и удовольствиям, нежели те, которые ими практиковались до поступления в приют. Рисование вначале тоже возлагалось на преподавателя общеобразовательных предметов. Но в виду того, что он не был знаком с черчением, а также сам не владел умением хорошо рисовать и не знал методов преподавания этих предметов, после пришлось ему отказаться от преподавания их. Сознавая же всю важность этих предметов, для общего и эстетического образования детей мы указали учредителю приюта П. на безвыходность положения. Последний, будучи сам поклонником означенных предметов, решил пригласить отдельного учителя специально для преподавания этих предметов, сперва за свой счет, а потом этот учитель зачислен был в штат служащих приюта и получал жалованье от земства. Черчение, рисование и лепка теперь идут лучше, нежели раньше, и обещают в будущем хорошие успехи. О музыке я тоже много думал, но надеяться на осуществление своих дум в приюте я не мечтал, прежде всего потому, что знал, что земство на преподавание и инструменты для этого предмета не даст средств. В виду этого я и вопроса о музыке не поднимал. Но вот случайно узнаю от П., что приглашенный им мастер для столярной мастерской не только знает свое мастерство, но в то же время и музыкант. Я в шутку и говорю П., что он, пожалуй, со временем нам и музыку будет преподавать. На это П. ответил, что если он действительно хорошо понимает музыку и нам подойдет как мастер, то он не пожалеет средств и на приобретение музыкальных инструментов. Я этому обрадовался и старался поддержать это прекрасное намерение П. Однако этот вопрос вскоре заглох на довольно

продолжительное время. И вот только теперь, год спустя после приглашения мастера, когда и дети, благодаря моему и мастера поощрениям, стали просить письменно П. (он в это время жил в Петрограде) о приобретении музыкальных инструментов, последний запросил меня—не имею ли я чего против введения музыки в приюте. Я, конечно, ответил, что, напротив, считаю введение ее весьма желательным. И П. после этого выслал мне целую серию музыкальных инструментов. 27 января они были раскупорены и испробованы мастером и с восторгом осмотрены детьми. На второй день после работы в мастерской, в 7 часов вечера дети уже прибежали за инструментами, чтобы под руководством мастера в свободные часы приступить к обучению музыке. И вот с этого дня дети все свободные часы проводят за музыкой: одни учатся играть, а другие слушают и глазеют на инструменты.

Через три недели с небольшим я в „Дневнике“ уже описывал литературно-музыкальный вечер. Вот что о нем там сказано. „Вчерашний литературно-музыкальный вечер был фактическим подтверждением моих принципов воспитания.—Вечер состоял из двух отделений. В первом отделении детьми была сыграна довольно хорошо часть пьесы „Недоросль“ Фонвизина. После этого отрывка была показана детям живая картина „Царевич с луком“ из сказки „о Царе Салтане“ Пушкина. Затем духовой оркестр из воспитанников приюта сыграл марш. Во втором действии говорились детьми стихотворения и басни в костюмах, соответствующих действующим лицам, и без них. В заключение была показана живая картина „Царевна Лебедь“ из той же сказки. Вечер закончился музыкой. Дети от всего виденного и слышанного были в восторге. Надо было видеть их радостные лица и слышать гром аплодисментов, которыми они награждали своих „артистов“, чтобы вполне понять и оценить значение для детей подобных вечеров и развлечений!“

Относительно значения черчения и рисования я в „Дневнике“ писал не раз. Вот, напр., что мною там сказано относительно этих предметов 13 ноября 1907 года. „Большим событием в жизни приюта было приглашение учителя черчения и рисования. Важно оно, во-первых, потому, что с приглашением нового учителя—воспитателя несколько облегчается труд воспитателей, так как с увеличением штата учителей—воспитателей, дни дежурств по приюту последних отделяются большим промежутком времени, нежели раньше; во-вторых, важно для детей, обучающихся столярному мастерству, уметь понимать чертеж и самому его набросать для данной вещи; наконец—и это самое главное—рисование и черчение имеют громадное значение и в воспитательном отношении, развивая в детях

эстетическое чувство и приучая их к усидчивому и внимательному труду".

Эстетические цели не упускались из виду и при всякого рода работах. Требовалось не только вещь сделать добросовестно, но и красиво. В приюте на видном месте устраивались с эстетическими целями цветочные клумбы как общие, приютские, так и частные, детские. Любители цветов из детей получали отдельные грядки и семена для цветов. Всякого рода празднества и торжества, устраиваемые в приюте, а также экскурсии в лес, на курганы, в живописные балки, между прочим, имели в виду и эстетические удовольствия детей. Даже многие игры преследовали эстетические цели. Иллюстрацией к сказанному могут служить записи, сделанные мною в „Дневнике" от 30 апреля 1907 года и 17 января 1908 года. В первой записи описывается устройство спектакля, а во второй—елки. „В субботу пасхальной недели дети работали только до обеда, а после обеда они были заняты приготовлениями к спектаклю, который ставится детьми под руководством воспитателей в воскресенье вечером. Перед чаем (в 4 ч. дня) дети сходили под надзором дядьки на пруд и выкупались в нем (купаться начали с 25 апреля, когда t° воздуха достигла 18° R в тени, а t° воды—16°R), где переменили и белье. После чаю в этот день состоялась генеральная репетиция в костюмах и в театральной обстановке. Репетиция сошла довольно гладко, и дети ею остались очень довольны. В воскресенье с утра все были в церкви, а затем состоялась последняя репетиция. Остальное время дня прошло в ожидании вечера и спектакля. Часть детей помогала украшать театр цветами и зеленью, а остальные разбрелись, кто куда хотел: одни пошли удить рыбу, другие—в сад, третьи—играть в мяч. После ужина, в 6 час. (в этот день порядок дня был изменен по случаю спектакля: обыкновенно дети ужинают весной в половине 8-го), все дети уже были по местам и ожидали прибытия гостей и начала спектакля. В 8 часов открылся занавес, и начался спектакль. Ставилась пьеса „В сельской школе". Так как все принадлежности школы у нас были в достаточном количестве, то обстановка получилась на сцене чудная: школа вышла неподражаемая—скамейки, стол, картины, географические карты, классная доска—все было на своем месте и в лучшем виде. Занавес был сшит из простынь, оклеен всевозможными фигурами из цветной бумаги, вырезанными детьми под руководством воспитательницы. Кулисы также были задрапированы разукрашенными простынями. Так как сцена отделялась от зрителей деревянной аркой и занавес был укреплен в арке, то получился вид настоящего летнего театра в небольшом городе. Будучи весь театр разукрашен флагами, зеленью и цветами, он произ-

водил еще больше эффект настоящего театра. Спектакль для первого разу сошел довольно хорошо, и дети и гости остались им весьма довольны. Перед началом и в антрактах играл грамоффон и тем еще более увеличивал иллюзию настоящего театра. Спектакль закончился раздачей детям пряников, пожертвованных учредителем приюта. Настроение у детей настолько было повышенное, что уложить их удалось лишь в полчаса одиннадцатого, в то время, как раньше, они обыкновенно весною засыпали в 9—10 часов вечера". Теперь приведу описание празднования елки. „Совершенно незаметно подошли рождественские праздники, которых детвора с нетерпением ожидала. Особенно сильно этими праздниками интересовались малыши: они не давали воспитателям проходу, ежеминутно спрашивая, сколько дней осталось до праздников. Что же их так тянуло к праздникам? Быть может поездка к родным? [1]) —Нет. Они с нетерпением ожидали елки и тех удовольствий, которые обыкновенно связаны с праздниками. Елка была устроена на первый день рождественских праздников. Надо было видеть радость и ликование детей в этот день и вечер, чтобы оценить и понять все значение для детей елки и вообще этого рода празднеств. От елки дети были в восторге. Когда же начались чтения детьми басен в лицах в соответствующих костюмах, то веселье приняло еще большие размеры; после же раздачи подарков (коньков, красок и карандашей для рисования, балалаек и т. п.) и лакомств, когда загремела плясовая музыка, детвора буквально на „голове" ходила: заплясали и дети и взрослые, и ученики, и учителя, и гости, и служащие. Большинство детишек плясало в масках зверей и птиц и тем еще более возбуждали смех и веселье. Елка началась в 5 час. вечера, а окончилась около 10 час. ночи. На святках же был устроен и другой вечер, литературно-вокальный.

Но более всего эстетическое чувство, конечно, воспитывалось на рисовании, лепке, черчении, пении и в особенности на музыке. Для лепки, рисования и черчения, как я уже выше говорил, был приглашен отдельный воспитатель с художественной подготовкой[2]). Преподавание этих предметов велось не по шаблону схоластики, а согласно новейшим методам, т. е. дети рисовали больше с натуры и делали иллюстрации как к прочитанным стихотворениям и рассказам, так и к собственным сочинениям и мыслям. Рисовали дети с большою охотой. Об этом можно судить уже по одному тому, сколько ежегодно расходилось рисовальной бумаги, красок и цветных карандашей. Каждый свободный час большинство детей посвящало рисова-

---

[1]) На праздники Рождества, Пасхи, Троицы и др. детей без препятствий отпускали домой.
[2]) Учился в школе Штиглица.

нию, особенно в этом отношении отличались малыши. Многое из нарисованного детьми уничтожалось, но многое отправлялось родственникам, развешивалось детьми на стене над своей кроватью, дарилось на память учителям и воспитателям или же помещалось в детском журнале. Что дети любили рисование, видно было также из того, что все посылаемые домой или родственникам письма обычно изрисовывались всевозможными рисунками. Рисование преподавалось во всех классах и почти ежедневно. Лепка только в младших классах и всего раз в неделю, черчение только раз в неделю и только в старших классах. Музыку преподавал столярный мастер и только тем, которые участвовали в оркестре. Зато слушать музыку имел возможность весь приют. Экскурсии, литературные утра и вечера, елки и др. торжества в приюте сопровождались всегда музыкой. О значении музыки я не стану распространяться—оно общеизвестно.

Еще Шекспир сказал:

„Нет на земле живого существа
Столь жестокого, крутого, адски—злого,
Чтоб не могла хотя на час один
В нем музыка свершить переворота“.

(Венецианский купец).

V.

Не то, что ученикам рассказывают и об'ясняют, не то, что они вычитывают из книг, а лишь то, что они переживают, входит составною частью в их умственную и нравственную личность, и лишь от пережитого и самостоятельно, всеми силами чувства и ума переработанного, расширяется об'ем их души.

Дауге[1]).

Но самое важное значение в приюте придавалось нравственному воспитанию. Весь строй, вся жизнь приюта должна была стремиться, главным образом, к этой цели. При этом придавалось громадное значение примеру воспитателей и созданию нравственной среды между воспитанниками. Всякого же рода поучениям и собеседованиям на моральные темы не придавалось особенного значения, хотя, конечно, они и неизбежны в деле воспитания. Наказаний в общепринятом смысле слове не было в приюте, т. е. детей не садили в карцер, не ставили на колени и т. п., но естественные последствия, вытекающие из поступка воспитанника, карали виновника. Так, если воспитанник поленился и не окончил работы или сделал ее небрежно

---

[1]) Искусство и творчество в воспитании.

в рабочее время, то он обязан был выполнить ее хорошо в свободные часы. Далее, если питомец совершенно отказывался от работы (такие случаи бывали, хотя и очень редко), то он лишался за столом или сладкого или даже второго блюда, смотря по вине. При ссорах и драках с товарищами виновный временно удалялся из этой группы: если это было во время работы, то на отдельную работу; если же во время отдыха, то или в другую комнату или же просто отправлялся в другую группу детей. Если воспитанник плохо обращался с приютским имуществом, напр. инструментом или орудиями обработки земли, портил или уничтожал их, то он обязан был или исправить сам, или же испорченным инструментом должен был работать сам, или же, в крайнем случае, должен был уплатить за испорченное из своих денег[1]), если таковые имел, или же лишался подарка во время елки (но не лакомств). В вопросе о наказаниях мы стоим на следующей точке зрения. „Ребенок должен бояться не нас, а последствий своих поступков“. Больтон Холл был прав, говоря: „Природа сама наказывает. Наказывать искусственно—значит внушать ребенку, что когда нас нет, он может нарушать законы природы и не быть наказанным. Уведем ребенка из этой школы. Наказание поощряет трусость, будит зверя в человеке“. „Сломить волю ребенка—это то же, что переломить ему спину“. (Эрнест Кросби. Л. Н. Толстой, как школьный учитель).

Главный принцип, на котором было построено нравственное, да и всякое другое воспитание в приюте, была—свобода. Питомцу выяснялась вся разумность нравственного поведения, указывалось на последствия, которые вытекают из дурного поведения, и потом предоставлялась ему полная свобода поступать согласно своим желаниям и совести. Дети приучались не только к критическому отношению, к приютским правилам и требованиям воспитателей, но и к самостоятельному труду и поведению вообще. Детей часто оставляли на работе одних без всякого надзора и они сплошь и рядом выполняли заданную работу безукоризненно, особенно старшие. Так, мне не раз по делам приюта приходилось уезжать из него на несколько часов или даже дней, оставляя детей тех классов, в которых я преподавал. Задав им из своего предмета самостоятельную работу и указав на причину своего отсутствия на предстоящем уроке, я спокойно покидал класс. И не было случая, чтобы дети не выполнили заданной работы или плохо себя вели в мое отсутствие. Играли дети в стенах приюта, во дворе и саду в большинстве случаев тоже самостоятельно, без всякого непосредственного надзора: они свободно бегали по двору и саду, лазили по де-

[1]) Многим детям родственники присылали небольшие суммы денег, которыми дети с ведома воспитателя распоряжались сами.

ревьям, ловили рыбу из пруда и проч. Даже из приютских пределов часто дети группами отпускались одни, под ответственностью одного из них, и не было почти случая, чтобы дети не оправдали оказанного им доверия. Правда, при таких отпусках дети группировались так, чтобы питомцы с дурными наклонностями не превышали хороших детей ни в каком отношении. Даже отпуски к родным на праздники всегда точно исполнялись: питомцы никогда не опаздывали к сроку. К такой аккуратности и добросовестности приучал питомцев, как я уже сказал, весь строй приютской жизни. Но особенно этому содействовало так называемое детское самоуправление. В чем оно состояло и как образовалось, я опять изложу по „Дневнику“. Вот что о нем записано под 13 ноября 1907 года. „С началом правильных занятий в классах и мастерской и по мере привыкания вновь поступивших воспитанников к режиму приюта, жизнь его мало-по-малу начала налаживаться. Особенно она быстро пошла вперед в этом отношении с тех пор, как было введено самоуправление в среде детей, если только можно назвать самоуправлением такую систему управления детьми, когда последние из своей среды выбирают уполномоченных(по одному из воспитательской группы), на обязанности которых лежит следить за порядком в своей группе, как в классе, так и в мастерских и во время отдыха. Уполномоченные пользуются правом бывать на педагогических советах учителей, по приглашению последних, на которых они отстаивают интересы товарищей и помогают воспитателям более правильно и справедливо распределять работы и обязанности воспитанников. В виде льготы за их труд уполномоченные на время своего полномочия освобождаются от дежурств по приюту и мастерской. Некоторые из уполномоченных очень серьезно относятся к своим обязаностям и служат незаменимыми помощниками воспитателям. Но особенно благотворно действуют на детей общие собрания. Последние бывают очередные (каждую неделю) и экстренные (по мере надобности). На очередных собраниях обсуждаются, главным образом, текущие события и вопросы, т. е. поведение уполномоченных в течение недели и дежурных воспитанников по приюту, а на экстренных—выдающиеся проступки кого-либо из детей или же нужды воспитанников, возбужденные ими самими. Чтобы приучить детей к общественной и самодеятельной жизни, им предоставляется право самим собирать экстренные собрания при наличности 10 голосов за таковое. На собраниях, созываемых детьми, председательствует также воспитанник, выбранный простым большинством голосов. Если на собрании обсуждаются важные вопросы, то обыкновенно на них присутствует весь воспитательский персонал с заведующим приютом во главе, если же текущие или маловажные, то присутствует

только дежурный воспитатель. Часто дети, созывая собрание по своему почину, приглашают сами всех или только некоторых учителей на свое собрание. На собраниях дети ведут себя прекрасно и к постановлениям их относятся серьезно.

Так, на первом же собрании (22 октября) всеми воспитанниками было выражено порицание двум воспитанникам С. и К. за то, что они не исполнили приказания воспитательницы — уйти со льда во двор, а воспитателями им же было об'явлено отчуждение, в виде прекращения с ними частных разговоров и об'яснений. К. так сильно почувствовал тяжесть учительского отчуждения, что вел себя все время после означенного инцидента прекрасно, а вчера публично *сознался* в своей вине, а потому и был прощен *собранием*. С. же, хотя и вел себя все время сносно, но на собрании не сознался в своей вине и даже сказал товарищам, что ему *все-равно, как к нему относятся учителя. В виду такого упорства, тут же на собрании детей решено было с ним не иметь никаких частных дел всему приюту, кроме официальных.* На другом собрании обсуждался проступок И. Ф. (он наклеветал на уполномоченного). Собрание и по отношению к нему решило применить ту же меру, что и к С. И что же? Ф. на второй день пишет в детском „Дневнике“ (у детей был свой дневник, в который они заносили свои чувства, мысли и желания), что он был несправедлив по отношению к уполномоченному и просит у товарищей прощения. Конечно, таковое ему было сделано, и он ведет себя с тех пор хорошо. Что товарищеский суд действует на детей лучше всяких мер взыскания, это видно из того, что после него осужденный товарищ, не имея личных врагов, обыкновенно сокращается и попыток к совершению тех же проступков вторично не наблюдается. Тот же С., который раньше грубил воспитателям, после осуждения собранием, стал более сдержан и осторожен. Что товарищеское осуждение для него было тяжело, видно из того, что на второй день после собрания, выразившего ему порицание, он в детском „Дневнике“ пишет: „Вчера я чувствовал себя плохо“. Из нужд своих воспитанники обсуждали о количестве воспитанников для мастерской, о пополнении мастерских инструментом, о необходимости для старших воспитанников работы в мастерской и в то время, когда появятся работы по хозяйству, о желательности иметь отдельный верстак для каждого старшего мальчика, о необходимости иметь в мастерской такие часы, когда мастер мог бы излагать, как выразился один из питомцев, „теорию“ мастерства. Все эти пожелания, как вполне разумные, педагогическим советом были утверждены и приняты к исполнению. Тут же на собрании был решен вопрос и относительно устройства елки, причем решено просить учредителя приюта, чтобы он, по примеру прошлого года, вы-

слал к елке те подарки, которые попросят дети. Всех собраний за время установления их и до сегодняшнего дня было 4; первое—22 октября с. г., в день выборов уполномоченных и учреждения самих собраний, следующие 3 были собраны одно воспитанниками, другое - учителями, а 3-е воспитанниками и учителями вместе (так совпали интересы!). Последнее собрание было вчера, и прошло превосходно. Таким образом, моя мечта— организовать так детей, чтобы они сами управлялись постепенно осуществляется. Конечно, ее осуществлению много способствовали и мои коллеги, которые все одинаково смотрят на этот вопрос и всеми силами поддерживают у детей интересы именно к этому способу управления ими".

Под 22 ноября того же года о самоуправлении занесено следующее: „Сегодняшний день в некотором роде—знаменательный день в жизни приюта. Сегодня дебютировали новые уполномоченные, выбранные вчера по классам детьми. И надо отдать им (уполномоченным) справедливость—дебют удался как нельзя лучше. Особенно блестяще держал себя и порядок не только в своем классе, но и во всем приюте уполномоченный М. П. Он сразу себя поставил серьезно по отношению к товарищам, и те признали его авторитет и беспрекословно подчиняются его распоряжениям и замечаниям.

Обстоятельства сегодняшнего дня как нельзя лучше благоприятствовали проявлению самостоятельности уполномоченных. Во-первых, мне, как дежурному по приюту, сегодня невозможно было в силу других обязанностей по приюту, административных и хозяйственных (я ездил после двух часов занятий в училище в соседнее местечко за покупкой каменного угля, а также за получкой денег на текущие расходы), исполнить своих обязанностей дежурного, я, при всем желании, не мог присутствовать ни на обеде у детей, ни за чаем (к концу последнего, правда, поспел), не удалось даже лишний раз посетить мастерских. И тем не менее, сегодня везде образцовый порядок. Вот факты. Когда я зашел в столовую во время детского чая, там стояла почти абсолютная тишина (дядек в столовой не было: один больной лежит в больнице, а другой, по обыкновению, где-то далеко от детей), уполномоченный М. один расхаживает между столами в роли воспитателя. Дети, конечно, не преминули похвалиться мне, что они все время так сидели, на что я им заметил, что я другого ничего от них и не ожидал. Далее, один из мальчиков небрежно в мастерской обращался со своим инструментом, следствием чего была поломка конца железки в фуганке и побита его колодочка. Уполномоченный обратил на это внимание товарищей, а те заявили мне, как дежурному воспитателю, что поступок Р. надо обсудить на общем собрании товарищей. Я, конечно, с этим согласился. Председателем соб-

Инстит...

рания был избран П. М. Виновник собрания тоже здесь присутствовал. При заявлении М., что надо обсудить поступок Р., последний изменился в лице и чуть не плача (слезы блестели на глазах) заявил, что „колодочку фуганка попортил он, а железку кто сломал, он не знает“. При чем он об'яснил, что испортил колодочку фуганка потому, что не знал, где бить молотком при вынимании железки. Я об'яснил детям, что Р., очевидно, сделал это нечаянно, по незнанию, а потому заслуживает снисхождения. И все мальчики единогласно простили ему его ошибку, но с тем условием, чтобы на будущее время с ним таких вещей не случалось. На этом же собрании были обсуждены еще следующие вопросы: 1) Некоторые мальчики отлынивают в мастерской от работ для приюта, а занимаются изготовлением безделушек для себя, как-то: рамок для картин, колодок для коньков, сундучков и ящичков для своих вещей. Решено работать на себя час—два только тогда, когда кто окончит большую приютскую работу, как: стол, табурет, комод и т. п. 2) Рассмотрели расписание кушаний на неделю. Высказано собранием пожелание, чтобы чаще были мучные блюда, как напр., галушки, лапша и пр. Подробно же этот вопрос должны обсудить уполномоченные на педагогическом совете. Все собрание прошло при образцовом порядке и тишине. После заседания сейчас же часть детей (малыши) под надзором своих уполномоченных отправились в спальни на ночь мыться и спать, а старшие остались в рисовальном зале для слушания книги („Маленький оборвыш“), которую я сегодня должен был читать. Чтение продолжалось по просьбе слушателей до 10 часов ночи. После этого тихо и спокойно разошлись спать и старшие. Сегодняшним днем я остался вполне доволен. Я чувствовал полное удовлетворение от достигнутых успехов воспитания. Несмотря на отсутствие строгих наказаний, дети не только исправляются, но положительно улучшаются во всех отношениях. При поступлении в приют большинство из них представляло из себя дикое, недисциплинированное стадо, склонное к ссорам и дракам. Сейчас последних весьма мало. И вообще питомцы выглядят уже довольно развитыми и культурными детьми. И опять-таки скажу, что в достижении этих результатов громадную роль играют та *самодеятельность* и *доверие* к детским силам, которыми они пользуются у нас. Как результат этой самодеятельности, появилось у нас детское самоуправление, которое играет громадную роль в выработке у детей критического отношения к самому себе и к своим товарищам, т. е. способствует культурному самосовершенствованию детей. Только самоуправлением и самодеятельностью можно об'яснить такие, напр., факты, как выполнение блестяще урока в течение школьного часа одним (вторым) классом в отсутствие преподавателя. Мне, по обязан-

ности заведующего приютом, нужно было ехать на вокзал как раз во время урока. Я даю детям работу и прошу их позаниматься самим, т. к. у меня нет на то времени—мне нужно ехать на вокзал выкупать провизию. Дети охотно соглашаются. И когда я возвратился с вокзала, то нашел не только прекрасно исполненной работу, но и собранными тетради и карандаши и положенными к месту. За весь урок не было ни одной шалости, по заявлению уполномоченнаго. К уполномоченному дети относились тоже строго. То, что легче они прощают в смысле шалости обыкновенному товарищу, не прощают уполномоченному.

Вследствие этой строгости получилось и то, что только в одном классе (как раз в том, который так образцово занимался без учителя) остался старый уполномоченный, во всех же остальных классах выбраны новые. Затем, в уполномоченные выбираются детьми действительно самые лучшие товарищи. И надо надеяться, что в будущем этого рода управление детьми еще большие услуги окажет воспитателям в трудном деле воспитания.

Приведу еще один отрывок из „Дневника", в котором подробно изложены вопросы, обсуждавшиеся детьми на общих собраниях (от 3 февр. 1908 г.). „Вчерашнее собрание заслуживает внимания как образцовым поведением на нем детей, так и серьезностью обсуждавшихся на нем вопросов и постановлений. Вот вопросы, обсуждавшиеся на этом собрании: 1) О работах вообще и о частных случаях назначения на работу. 2) О дежурствах и дежурных. 3) О работах дежурных во дворе и мастерской в свободное от дежурства время. 4) О взаимной помощи дежурных. 5) О дежурствах в мастерской. 6) Об уполномоченных и их обязанностях. 7) О времени для обучения музыке и способе набора из воспитанников оркестра. 8) О привычке некоторых дразниться и 9) О беганьи по двору (зимой) без верхней одежды. Председателем собрания был избран М. Но председателю сегодня пришлось мало руководить собранием. В виду того, что вопросы, подлежавшие обсуждению собрания были очень серьезны, а дети председательствовать хорошо еще не умеют, заседание почти все пришлось вести мне. Первый вопрос был решен в таком смысле. На работы во дворе, требующие многих рук, мальчики назначаются дежурными воспитателями партиями, поочередно—один день работает одна партия, другой—другая; если же на работу требуется 1—2 человека, то воспитатель назначает на нее по своему выбору.

Относительно второго вопроса постановлено: за исполнением дежурными своих обязанностей должны следить уполномоченные в свободное время и дядьки в остальное. Главным же

образом, выражено пожелание: дежурные сами должны следить за собой и справляться относительно качества работы у своей совести. 3-й вопрос решен так: окончивши свои работы по дежурству, дежурные обязаны отправиться на общую работу во двор или же в мастерские, если там имеются в это время свободные верстаки. 4-й вопрос разрешен таким образом: помощь дежурным допускается только в том случае, если дежурный сам тут же работает и отвечает за доброкачественность работы своего помощника, а если помощь взаимная, т. е. в дежурство помощника этот дежурный помогает ему, а не так, как это бывало раньше, когда дежурным помогали за сахар, мясо и т. п. 5-й—по мастерской ежедневно дежурят два воспитанника и назначается два помощника для уборки мастерской по окончании работ. На обязанности дежурных по мастерской лежат следующие работы: а) принимать и выдавать остальным мальчикам инструмент, записывая вслед выданное; б) подогревать клей; в) подавать карандаши, материал и проч. 6-й—уполномоченные должны более строго следить за исполнением дежурными воспитанниками своих обязанностей. 7-й—музыкой должны заниматься мальчики только в свободные часы от мастерской и других работ, т. е. по вечерам и в праздники. Наконец, 8 и 9 вопросы. Эти вопросы дети возбудили сами и решили в том смысле, что никто из мальчиков не должен „дразниться“ и давать кличек другим мальчикам, так как от этого происходят часто ссоры и даже драки. Чтобы прекратить окончательно это зло, они постановили оставлять без обеда всякого, кто только нарушит это постановление. Такое же постановление они хотели сделать и относительно выскакивающих во двор без пальто и шапок из теплого помещения. Когда я стал возражать против суровости наказания, указывая им на то, что выскакивающий во двор легко одетым, наказывает себя уже тем, что он рискует простудиться и заболеть, мне на это ответили, что, простудившись, он может заболеть какой-либо заразной болезнью и таким образом заразить других. В конце концов этот вопрос был решен в желательном для меня смысле. Все заседание—собрание прошло в образцовом порядке и затянулось до 9 часов вечера. Выборы уполномоченных отложены до следующего воскресения, 10 февраля, к которому будут сделаны в мастерской самими мальчиками „*баллотировочные ящики*“. Чтобы читатель не подумал, что я выставляю только лучшие стороны приюта, а о теневых умалчиваю, я привожу еще несколько отрывков из „Дневника“, указывающих на эти теневые стороны. Вот, напр., что записано под 5 марта 1908 г. относительно поведения детей. „Вчера было общее собрание, достойное быть отмеченным на страницах „Дневника“.

Обсуждалось поведение двух старших групп. Эти группы за последнее время стали, что называется, распускаться: многие ребята перестали слушаться своих уполномоченных, а некоторые даже и воспитателей. Так В. и Ф. И. отказались вытереть ими же пролитые чернила, несмотря на то, что их заставлял это сделать воспитатель Ж. Затем, на днях во время дежурства того же воспитателя все почти старшие воспитанники за обедом, когда отлучился на минуту воспитатель, подняли сильный шум, несмотря на то, что уполномоченные их останавливали. Последний инцидент послужил поводом к тому, что воспитателями было устроено общее собрание для обсуждения как этого инцидента, так и вообще поведения старших детей за последнее время. Как только мною было открыто собрание, уполномоченные этих групп П. М. и Д. К. заявили, что они слагают свои полномочия в виду того, что их ребята перестали слушаться. Поступок этих уполномоченных учителями публично был назван правильным, а детям было сказано, что в виду того, что они не исполняют распоряжений ими же самими избранных уполномоченных, их учительский совет лишает права, в виде наказания, в течение месяца избирать уполномоченных, права же уполномоченных переходят к дядьке, и они обязаны будут строго выполнять все распоряжения дядьки и без его позволения не имеют права никуда из приюта (зданий и двора) отлучаться (раньше они могли в свободное время ходить в сад и за двор без особого на то разрешения). Особенно сильно шумевшим, как В., Х., К. и некоторым другим, был сделан строгий выговор, а Ф. И., кроме того, было поставлено на вид, что если он в течение месяца не переменит своего поведения, то с ним будет поступлено особенно строго.

Серьезность учителей и питомцев, незамешанных в инциденте, строгости выговора сильно подействовали на провинившихся, и все собрание разошлось в очень серьезном настроении. Надо думать, что публичное обсуждение и осуждение старших подействует на них благотворно на будущее время, а лишение некоторой свободы и стыд перед младшими группами, у которых есть свои уполномоченные, заставят в скором времени и их просить нас об уполномоченных. Инцидент с отменой уполномоченных закончился следующим образом. „Как я предполагал, так и случилось. Не прошло и двух недель, как упразднены были уполномоченные в III и IV отделениях, по настоянию детей этих групп вчера было устроено (17 марта) общее собрание, на котором опять был установлен институт уполномоченных и для старших групп. Ребята на опыте убедились, как все-таки плохо, что власть, которая находилась в их руках, перешла к старшим. Особенно им показалась тяжелой требо-

вательность нового дядьки; тем более они чувствовали себя скверно, что должны были у него или у дежурного воспитателя испрашивать позволения всякий раз, как только нужно пойти в сад или вообще отлучиться со двора, в то время, как младшие группы вместе со своими уполномоченными могли это делать без всякого разрешения. Некоторые из старших воспитанников уже на второй день после упразднения уполномоченных просили учителей убедить меня созвать общее собрание для избрания уполномоченных, давая при этом обещание впредь подчиняться всем их законным распоряжениям. В виду того, что это было желание не всех старших воспитанников, а также и потому, что я хотел дать им понять на деле все выгоды и невыгоды быть без уполномоченных, я решил как можно дольше оттягивать созвание общего собрания для избрания уполномоченных. Но вот вчера оба старшие отделения, как один человек, заявляют своему дежурному воспитателю, что они теперь все желают иметь опять уполномоченных из своей среды и дают обещание исполнять все их распоряжения беспрекословно. Дежурный воспитатель сообщил об этом мне, и я с удовольствием исполнил их желание—созвал общее собрание. Уполномоченными были избраны: в IV группе С., а в III—Б. Восп. С., как мальчик с дурными задатками, в уполномоченные не совсем подходящий человек. Воспитатели это мне и высказали, сожалея, что товарищи почему-то его избрали. Я вполне с ними согласен относительно его нравственной физиономии, но в то же время думаю, что это даже отчасти хорошо, что именно его дети выбрали. Он при своей слабой воле, капризах и упрямстве, которые он нередко проявляет при распоряжении учителей,—теперь на своей персоне поймет, как это хорошо, если не исполняют твоих законных требований, да и сам будет больше следить за собой, чтобы на будущем собрании не осудили товарищи. Неизвестно, как дело пойдет дальше, но вчера и сегодня С. из кожи лез, стараясь в точности все исполнить, что полагается делать уполномоченному. Все дети также ведут себя пока очень скромно и подчиняются распоряжениям уполномоченных" (Дневн. 18 марта).

Самодеятельность в детях не только поощрялась, но к привитию ее в детях воспитательский персонал стремился всеми своими силами. С этой целью детям позволялось работать в мастерских, в саду и огороде для себя лично, поощрялись всякого рода игры и занятия в свободные часы. Особенно сочувственно отнеслись воспитатели к идее основания детского журнала. Воспитатели не только помогали детям в этом деле советом и исправлением орфографических ошибок, но и сами писали для этого журнала. Последнее обстоятельство особенно детей подбадривало и заинтересовывало в ведении своего

журнала. Чтобы подробней ознакомиться с возникновением и осуществлением этого дела, я опять приведу выдержки из „Дневника". За 10 февраля 1908 года мною в нем занесены следующие строки. „Сегодняшний день в жизни приюта — большой день. Весь буквально день был заполнен необычайными событиями. С утра до двух часов дня заседала учительская корпорация совместно с выбранными детьми—питомцами и обсуждали материал, представленный воспитанниками и учителями для помещения в предполагаемом к изданию школьном журнале „Весна"; в 2 часа дня была устроена всем приютом экскурсия на ст. П., а вечером состоялось общее собрание приюта, на котором были избраны новые уполномоченные. Если к этому прибавить, что часть детей с садовником и дядькой ходили *на охоту*, а другая часть упражнялась в игре на музыкальных инструментах, то получится целая картина всего дня жизни приюта за сегодняшний праздничный день. По самым важным событием дня было заседание „редакции" журнала. История возникновения журнала такова. Еще в самом начале деятельности моей в приюте я думал о журнале, как о прекрасном воспитательном и образовательном средстве. Но пока дети были еще совершенно не дисциплинированы, не подготовлены к умственным и нравственным интересам, о практическом осуществлении этого дела нечего было и думать. Но подготовка к нему ведется с первых же дней существования приюта. Так, детям предлагались самостоятельные работы—описать свое прошлое, экскурсию в лес или на станцию жел. дор. и т. п. С приездом воспитательницы С. были введены работы—описание данной картинки. Тогда же мы выразили желание—сливать все эти работы в одну общую тетрадь и положить, таким образом, начало школьному журналу. Но за неимением свободного времени (в то время было в приюте нас всего два воспитателя; с приездом воспитательницы и учителя рисования стало 4), это намерение не было приведено в исполнение. И только теперь, когда воспитательский штат увеличился и когда мы спелись на этот счет, стало возможным приступить к осуществлению идеи издания школьного журнала. Чтобы детей более заинтересовать журналом, а также ознакомить с самым способом ведения журнала, по моему предложению, воспитатели согласились не только вести разные отделы журнала в смысле редакционном, но и помещать в нем время от времени свои рассказы, сказки, путешествия, воспоминания и проч. Так, для первого номера мною уже написана легенда „Как Соломон выбрался из ада", а воспитателем Ж.—рассказ „На проклятом озере". Редакционная комиссия из детей сегодня выслушала их и нашла очень интересными. Дети для первого номера заготовили тоже уже массу материала. Многие их работы отло-

жены на второй и третий номера журнала—так их подано много. Для первого номера отмечено больше 15-ти статей. Получится довольно об‘емистая тетрадь. Журнал этот будет интересен еще тем, что в нем будут помещаться иллюстрации детской работы под наблюдением и руководством учителя рисования. 23 марта журнал вышел, и вот по поводу его выхода, что я писал тогда в „Дневнике“ „Сегодня, наконец, вышел в свет наш школьный журнал „Весна“, его 1-й номер. По об‘ему и содержанию—это солидная тетрадь интересного содержания. Детвора с восторгом слушает сейчас его чтение вслух дежурным воспитателем. Я только что был в приюте и видел, с каким жаром и одушевлением дети решают помещенные в журнале шарады и загадки и просят прочесть еще что-нибудь из журнала, несмотря на то, что добрая половина его воспитателем уже прочитана. Повидимому, это дело у нас привьется и сыграет большую роль в духовном и нравственном развитии питомцев, если только сами учителя не устанут и не охладеют к нему“.

Громадное воспитательное значение имели также экскурсии и прогулки в лес, в поле, на заводы, шахты и проч. Значение их мною в „Дневнике“ изложено так: „С наступлением весны наши питомцы—писал я 5-го мая 1907 г., уж больше не проводят целых дней взаперти, как это часто случалось осенью и зимой в дурную погоду. Теперь не только классные занятия и работа в мастерской, кстати сказать, сокращенные до minimum'а (по 2 часа в день), совершаются при открытых дверях и окнах, но и самые работы в приюте по существу таковы, что только на открытом воздухе и могут быть совершены, таковы—садовые, полевые и огородные работы. В спальнях, в залах—везде и всегда открыты окна и форточки—одним словом, дети все время купаются в свежем воздухе. Обилие чистого воздуха сказывается, прежде всего, на здоровьи детей. Зимой, несмотря на обильный и здоровый стол, многие дети, особенно малыши, выглядели бледными и одутловатыми. Теперь же все они загорели, поздоровели и порезвели. Несмотря на обилие свежего и чистого воздуха при исполнении всех работ в приюте, воспитательский персонал приюта стремится доставить его детям еще лучшего качества. С этой целью, отчасти, детям позволяется ежедневно играть в большом приютском саду, а также устраиваются по праздничным дням прогулки в лес и поле. На пасхальных праздниках, как я уже говорил раньше, была устроена прогулка на курганы, 1-го мая—в лес, отстоящий в 3—4 верстах от приюта. Но прогулки и экскурсии имеют громадное значение и в воспитательно-образовательном отношении. Особенно это относится к прогулкам в лес. Там дети не только наслаждаются красотами природы (поскольку, конечно, им последнее доступно), но и знакомятся с названием многих

деревьев, трав и цветов, а также присматриваются к жизни птиц и насекомых (муравьев). 1-го мая дети с утра работали, по обыкновению, в саду и огороде, затем были в классах, а после обеда вместе со всеми воспитателями отправились в лес. Так как в лес из приюта дети шли впервые, то собрались они дружно, даже пошли и те, которые имели больные ноги как Х. Шли не парами, как это делается во всех казенных учебных заведениях, а вольно—кто как и с кем хотел. Некоторые мальчики группировались около воспитателей, а некоторые шли совершенно самостоятельно, в одиночку или же небольшими группами. Благодаря этому, картина шествия получилась довольно грандиозная: голова шествия была уже около полотна железной дороги (в $1^1/_2$ верстах от приюта), а хвост выходил еще из ворот приютского двора. В приютской прогулке приняли участие и дети служащих в приюте и даже некоторые взрослые члены из этих семейств. В лесу опять-таки дети и взрослые держали себя свободно, а потому и самочувствие у всех было превосходное: одни полезли на деревья, другие отправились собирать цветы, третьи начали играть в мяч, а четвертые сидели с некоторыми из воспитателей и делились своими впечатлениями по поводу виденного. По свистку заведующего дети стали стекаться в одно место, где и получили угощение в виде пряников, пожертвованных П. После этого все отправились осматривать пчельник, находящийся тут же в лесу. Пасечник оказался любезным хозяином: он не только напоил экскурсантов холодной водой, но и начал показывать и об'яснять им, как живут пчелы. Из лесу все мы, за наступлением вечера, принуждены были отправиться домой. Домой возвратились около семи часов вечера, довольные прогулкой. Тут же дети спрашивали, „когда еще пойдем в лес". Приведу описание прогулки, сделанное в „Дневнике" воспитательницей С. 20 мая т. г. „Еще накануне сообщено было детям, что завтра отправляемся на целый день в лес. Сколько оживления и радости внесло это сообщение. С каким нетерпением дети ждали следующего дня! Погода нам благоприятствовала: день был ясный и теплый. С утра начались приготовления: собирали и укладывали посуду и провизию. Ребята ежеминутно осаждали вопросами: скоро ли мы отправимся в путь? Наконец, давно жданный час наступил. Вот и телега у крыльца, нагруженная посудой и провизией. Туда же усадили и Ф. с больными ногами, который ни за что не хотел остаться дома. Тут же суетились ребятишки, собирая в дорогу своих питомцев — сов и грачей, которых не на кого было оставить дома. В прогулке приняли участие все дети приюта и воспитатели, дети служащих и прислуга; таким образом, компания получилась изрядная. Тронулись в путь. Шествие было грандиозное: тянулось оно на большом протяжении.

Впереди выступали мальчуганы со своими совами, затем следовала телега, окруженная толпой ребятишек, потом группа детей с грачами, далее группа воспитанников в сопровождении воспитателей, а там одиночки и пары. В лесу мы решили расположиться ближе к воде, поэтому пришлось слишком далеко забраться в лес так, что пока дошли, то порядком все приутомились, да и аппетиты разыгрались: было уже около часу дня. Место нашей стоянки оказалось не особенно привлекательным в смысле красоты. Дорогой нам попадались очень красивые места, так что мы оказались в проигрыше, зато — около самой воды. Дети сейчас же побежали собирать хворост: нанесли целую кучу, соорудили костер и принялись за стряпню. Часть детей, в сопровождении воспитателей, отправилась осматривать окрестности, лазила по горам, бегала; другие занялись кормлением своих птиц. Устроили для сов беседку из листьев лопуха, чтобы укрыть их от яркого света. Малыши расположились тут же у костра и внимательно наблюдали за приготовлением обеда. Дежурные мальчики занялись приготовлением к обеду: постлали на траве две простыни, расставили тарелки, разложили хлеб. Вскоре вся компания собралась к месту нашей стоянки, т. к. голод давал себя чувствовать. Все было готово. Каша вышла на славу! Расположились кто где хотел, с аппетитом принялись за обед. Обед состоял из пшенного кулеша с салом и мясом и молока с хлебом. После обеда детям роздано было угощение в виде пряников. Вскоре затем приступили к чаепитию, которое продолжалось часа 2—3. Набегавшись вволю, дети с удовольствием отдыхали: некоторые из мальчиков увлеклись решением шарад, предлагаемых воспитателями и товарищами. В 6 час. вечера начались сборы домой. Вернулись в приют довольно поздно, около 9 час. вечера. Детвора очень устала, особенно малыши. Наскоро поужинав, сейчас же улеглись спать“.

В заключение приведу из дневника еще один отрывок, в котором описывается прогулка детей в лес и выясняется значение подобных прогулок. „10-е июня 1907 года. Не говоря уже о той пользе, которую детям приносят экскурсии в умственном отношении, они важны и как одно из самых сильных и верных воспитательных средств в нравственном отношении: здесь дети в играх и работе для общей пользы приучаются ценить друг друга и помогать один другому, сдерживать свои животные инстинкты и критически относиться к своим и своего ближнего поступкам. Мало этого. Во время экскурсий и игр воспитателям, как никогда, предоставляется возможность изучать индивидуальность своих питомцев и направлять ее к совершенствованию более незаметно, чем когда бы то ни было в другое время. А сколько радости и удовольствия

вносят эти прогулки во внутренний мир наших детей! Мы, воспитатели, можем смело сказать, что нашим сиротам будет чем в зрелом возрасте помянуть свое детство. Что это не ошибочное мнение, показывают такие об'ективные факты. На праздники Троицы многие родные явились в приют за своими детьми, чтобы взять их на несколько праздничных дней домой. И что же? Не все дети согласились ехать домой. Братья П. отказались ехать, несмотря на то, что их мать уже заручилась моим согласием на отпуск ее детей. Прихожу во время детского обеда в столовую и, к своему удивлению, вижу обоих братьев за столом. Спрашиваю, почему не поехали. Оказывается, не захотели. А мать так убедительно упрашивала меня отпустить их, так как они, по ее мнению, очень по ней соскучились.

Третий мальчик, Я. Б. (этот мальчик первое время был совершенно меланхоличен и всегда держался от других детей в стороне), сказал товарищам, что он ни за что домой не поедет, хотя бы за ним и приехала мать. Мать, действительно, приехала. И вот он, не поговоривши с ней и десяти минут, удрал к товарищам. Когда же мать стала собираться домой и попросила его, чтобы он проводил ее до ст. ж. д., то он прямо ей сказал: „Иди, мама, с Богом одна“!

Желая доставить детям удовольствие, мы решили устроить прогулку в лес и в день Троицы. Теперь решено было пить в лесу только чай, а не обедать, как это было раньше. Это сделано было с той целью, чтобы иметь возможность больше времени посвящать в лесу играм и беседам, а не возне с приготовлением обеда. Поэтому сегодня мы отправились все ровно в 2 часа дня, пообедавши (дома остались только оба дядьки). Местом прогулки был избран Федоровский лес—местность более живописная, нежели та, где мы были в предыдущий раз. Итти пришлось все время ровным засеенным хлебом полем. Детвора, по обыкновению, растянулась в длинную стаю, состоящую из небольших групп (в 5—6 челов.), следовавших за возом, на котором была нагружена прогулочная провизия и сидели дети с больными ногами [1]) или уставшие от ходьбы. Часто последних подносили старшие мальчики, как это и было сегодня. Б., мальчик вялый и капризный, сел в дороге и не пожелал дальше итти. М., долго не думая, взвалил его себе на плечи и потащил в путь. Раньше подобные случаи бывали и с другими детьми. Некоторые группы собирали по полю цветы и преподносили их товарищам или воспитателям, другие же просто шли и весело болтали, большинство же окружало того или другого

---

[1]) Дети „с больными ногами“ упоминаются часто. Это происходит от того, что, работая босиком в поле, они часто ранили ноги.

воспитателя и осыпала массой вопросов по поводу виденного или предстоящей прогулки. Один спрашивает—почему на одной полосе хлеб лучше, нежели на другой, другой спрашивает название цветка, хлеба или травы, третий—насекомого и т. д. и т. п. Учителя едва успевают отвечать на сыплющиеся вопросы. В общем же получается впечатление от этого шествия картины летящей, шумящей и щебечущей стаи птиц. По приходе в лес, лошадь была отпряжена, снята с возу провизия и отправлена группа ребят за водой. Пока ставились самовары и готовилась закуска, всем ребятам было дано по пирогу. С'евши пироги, детвора рассыпалась по лесу: кто пошел отыскивать землянику, кто воду пить, малыши побежали просто болтаться в журчащем здесь ручье, воспитатели—любоваться красотами природы или просто уселись отдыхать. Тем временем несколько мальчиков принялись за самовары. Только что поспели самовары и некоторые из оставшихся детей или возвратившихся уже из лесу, начали было пить чай, как послышался голос У.—он звал заведующего приютом на помощь, чтобы тот указал ему, где можно удобно спуститься с горы на лошади. Детвора бросилась на помощь и увидела, что У. (член комитета приюта от земства) приехал со своими детьми в лес. Напившись чаю, воспитательница предложила детям игру в „разбойники“. Дети с энтузиазмом ухватились за эту мысль, уговорили играть с ними и детей У. (трех мальчиков и девочку—гимназистку) и учителей. И началась „катавасия“: мирные жители шли в город или из города домой, а разбойники старались захватить их в плен. Причем старшие и более сильные защищали младших, учителя—учеников, ученики—учителей. Бывали моменты, когда и воспитатели и воспитанники составляли один копошащийся клубок, из которого каждой партии хотелось извлечь своего партнера. Игра носила живой и даже страстный характер и доставила как воспитанникам, так и воспитателям много удовольствия. Когда окончились игры и нужно было собираться домой, а также долго и по приезде домой, только и было у детей разговору, как об игре в „разбойники“. Домой возвратились около 8 часов вечера все бодрые и веселые. Даже малыши и те меньше устали, чем в предыдущую прогулку. В общем последняя экскурсия—самая удачная из всех ранее бывших“.

VI.

Наша современная жизнь болеет тем, что люди потеряли живое отношение к природе. Городские жители, ушедшие в книги, не могут создать живой культуры. Их знания и их ощущения получаются из вторых и третьих рук. Между собой и окружающим миром они поставили книги и мнения других людей. Они разучились понимать то, что непосредственно говорят им предметы. То, что передается им не на бумаге и не напечатано типографскими чернилами, для них не существует. Наших юношей заставляют накоплять в мозгу огромное количество материала, с которым они не могут справиться и освоиться, и дают им массу теоретических знаний, набранных из различных областей наук. Этим не увеличивают ни их умственных сил, ни способности к умственной работе. Тем более, что это теоретическое преподавание часто принимается неохотно, как нечто совершенно чуждое.

Проф. Гурлит. [1])

Сиротский приют всей своей жизнью, как видел читатель, стремился как раз к противоположным методам воспитания, нежели те, которые изложены в вышеприведенном эпиграфе. Чего же достиг приют в течение трехлетнего существования? Так как во время открытия приюта были приняты дети от 6 до 14 л. включительно, то к концу третьего года в приюте уже были семнадцатилетние юноши. За три года своей жизни в приюте они основательно усвоили грамоту (при поступлении многие из них были даже неграмотными), изучили столярное или слесарное мастерство настолько, что могли самостоятельно сделать стол, шкаф, комод, телегу, плуг, борону, подковать лошадь, устроить веялку и т. п. сельско-хозяйственные вещи. Каждый из них много работал в поле, саду и в огороде, а потому знает, как ухаживать за полевыми, садовыми и огородными растениями. Так как до выхода из приюта самому старшему из них оставалось не менее года, то, без сомнения, все эти умения и знания за этот год еще более утвердились бы в юношеских головах и молодые люди, по выходе из приюта, свободно могли бы самостоятельно добывать себе кусок хлеба. Так оно потом и оказалось. Большинство из вышедших из приюта воспитанников поступило рабочими на местные заводы с приличным для рабочего их возраста содержанием (до 20 руб. в месяц); остальные отправились в родные села и деревни обрабатывать отцовскую землю. Надо думать, что приют дал им не только теоретические и практические знания для борьбы за существование, но и снабдил их настолько солидным и устойчивым нравственным багажом, что они выдержат фабричные и

---

[1]) Творческое воспитание.

деревенские соблазны в виде алкоголя и разврата—этих бичей нашего народа. Один из бывших питомцев приюта, недавно писал мне, [1]) что он всеми силами борется с соблазном товарищей относительно выпивки.—Что касается остальных детей, то безусловно и они во всех отношениях улучшились: окрепли физически, развились умственно и далеко ушли вперед в нравственном отношении. Если же я подробно не останавливаюсь на младшем возрасте, так только потому, что им еще много оставалось жить в приюте, и из них еще можно было выработать как ценных граждан родины, так и бесполезных паразитов общества. Что из себя представлял приют во время моего заведывания им, пусть расскажут другие лица, видевшие своими глазами постановку дела в приюте. Первый воспитатель приюта Ц. в „Дневнике“ изображает детей, какими они поступили в приют. „Когда я приехал в приют, он мне представился во всех своих частях незаконченным, и, не дожидаясь конца построек и отделки необходимых служб, стали принимать сирот. 1 сентября (1906 г.) на ст. П. из Б. уезда было прислано 30 человек детей различных возрастов, начиная с 6-летнего и кончая 13-летним. Мы, воспитатели, встретили их на станции и затем привели в приют. И теперь эта пестрая толпа у меня перед глазами: их изодранные костюмы, избитые и поцарапанные ноги, угрюмые лица у одних и задорные у других живы в моей памяти, и последние признаки ясно говорили о многом: о их жизненной обстановке, личном характере. Из всей толпы сравнительной нарядностью и чистоплотностью отличались дети, присланныя из Б. сиротского приюта; всех их было 9 человек. Я не думал, что нам придется испытать много неприятностей от этих последних 9 человек, и особенно от некоторых из них, как Б., Г., С. и др. (теперь они почти неузнаваемы, а С. совершенно изменился). Каковы эти неприятности, я назову после, а теперь буду продолжать описывать впечатление от детей. Двух сирот, братьев М. и Б. Т. провожала родная мать. Как только вошли дети во двор приюта, мать отошла в сторону, а дети пошли к зданию, где они должны были помещаться. Младший из братьев начал всхлипывать и вскоре заорал во все горло, стремясь убежать к матери. Начался обед, но мальчик был безутешен: его не прельщали ни обед, ни лакомства—он попрежнему плакал, призывая родную мать. После обеда мы, воспитатели, собрав всех детей вместе, повели их по саду, стараясь развлечь их; мы расспрашивали их, занимали разговорами, стараясь в беседе с детьми узнать их прошлую жизнь и всю обстановку, в которой они жили. Очень немногие были словоохотливы и смело разговаривали,

[1]) Со времени своего ухода из приюта (13 лет) я получил от детей более сотни писем.

большинство же на все вопросы отвечало кивком головы. Один мальчик Б. хранил упорное молчание в течение целых недель (это тот, который впоследствии стал очень резв и однажды отказался провожать мать, лишь бы не расстаться с товарищами на какой-нибудь час); он всегда был один, а если и случалось, что он оказывался вместе с мальчиками, то только в кругу малышей, несмотря на то, что сам он довольно большой ростом и летами: ему 10 лет. Во время этой прогулки я видел, что эти маленькие дикари нуждаются в особенных заботах и особых приемах воспитания, и что эта работа будет довольно трудна. Вначале трудность эта об‘яснялась отсутствием школьных занятий (тогда не было еще ни парт, ни учебников, а явилось это только в конце ноября), ни мастерских. Местом работы был только один запущенный сад, где, кроме сгребания листьев и чистки дорожек, нечего было делать, и эта работа, повторяясь изо дня в день, настолько надоела детям, что у нас появились случаи отказа от работы. Пример в этом подали дети Б. приюта, и из них первый Б., который всегда перед тем, как сделать что-нибудь противное правилам постепенно установившегося режима, начинал хмуриться, задираться и ссориться с товарищами. Наконец, он наскакивал на такого, кто не любил давать спуску—и драка готова. Больших усилий стоило рознять эту драку. В таких случаях дядька нередко связывал Б., и только тогда прекращалась драка. Если случалось, что Б. задирался в присутствии воспитателя, то дело до драки не доходило, и тогда он целый день не ел и не пил, а все хмурился и ворчал что-нибудь себе под нос. Случалось же и так, что, подравшись с кем-нибудь, он уходил из приюта. возвращаясь в него только поздно вечером, и на другой день он вел себя отлично, так что, глядя на него, нельзя было подумать, что этот мальчик только накануне так неистовствовал. Во второй половине ноября, когда уже стало довольно холодно, Б., подравшись с К., скрылся из приюта. Перед этим он говорил, что уйдет из приюта (это передавали нам другие мальчики. На это мы обыкновенно отвечали: „Пусть уходит,—на его место другой будет). Так как мы уже привыкли к таким выходкам Б., зная, что он далеко не уйдет и к вечеру возвратится, то не обратили внимания на его отсутствие.

Но вот настала ночь, а его нет; прошел день, другой, а Б. не являлся; проходит несколько дней, и нас начинает серьезно беспокоить его отсутствие, тем более, что он ушел в одной куртке, а в воздухе уже было довольно холодно. Мы об этом оповестили местную полицию и земскую управу. На другой день после этого явился Б., угрюмый и худой. На все вопросы воспитателей о том, где он был и что делал, Б. молчал. Мы оставили его в покое, предоставив его самому себе. Это был его

последний побег [1]). При всем этом Б. неглупый мальчик и с большим самолюбием, по всем его поступкам видно, что он больной мальчик, и что ему место в ту пору его жизни было не в приюте, а в лечебнице для душевно-больных, и если он теперь совершенно изменился, то это надо приписать хорошему питанию и умелому обращению с ним воспитателей. Теперь Б. не дерется и не ссорится, от работ не отказывается, в школе ведет себя хорошо. Надо прибавить, что в деле исправления Б. много сделала и школа. Г. своей драчливостью и постоянными ссорами напоминает Б., но он и во многом отличается от последнего. Он очень горяч, раздражителен и, подравшись, постоянно ругается. В первое время брань у него была самая отборная, в которой он мог поспорить со всяким хулиганом и пьяным извозчиком. Эта брань отпускалась не только по адресу мальчиков, но часто и дядек, которые не дадут ему подраться или чем-нибудь, по его мнению, его обидят. Но с этим мальчиком легче справляться воспитателям: его всегда можно уговорить, заставить исполнять какую-нибудь работу, при чем он охотнее работает один. Мальчик он недалекий и, подобно Б., ненормален. Ненормальность эта об'ясняется как причинами наследственности, так и тем режимом Б. приюта, в котором жили эти дети (там за всякие проступки, даже за то, что мочился по ночам, их били). Теперь Г. редко ссорится, драк уже давно не наблюдалось, а ругаться совсем перестал, и если когда случится, что в нем равновесие нарушится, то это выльется в форме легкой брани: „свинья, чорт“, сквернословия же от него совсем не слышно. С. постоянно ссорился и дрался, но это продолжалось сравнительно короткое время. При поступлении в приют он отличался и сварливым характером. Но при хорошем питании он физически окреп, а умелым воздействием воспитателей отучен от многих дурных привычек, и теперь совсем неузнаваем, так что мы часто говорили, что у нас нет прежнего С., а живет другой С.

Вот в кратких словах те неприятности, о которых я говорил вначале. Кроме этих видных неприятностей, было много и других, но о них я не буду говорить. Из сказанного уже видно, что представляли собою дети в первые дни жизни приюта. Мы особенно боялись, что недостатки этих детей перейдут и на других мальчиков, и что тогда работа должна бы была быть еще труднее. Сначала это и стало было замечаться, но потом прекратилось. Тут начались школьные занятия, и хотя правильно они не могли пойти за отсутствием необходимых наглядных пособий, и главное—не было второго преподавателя, но все-таки результаты получились блестящие. В этих резуль-

[1]) Впоследствии он подробно описал свой побег в детском журн. „Весна“ Других побегов в приюте больше не было.

татах мы убедились во время елки 1-го января 1907 года. Несмотря на то, что дети в первый раз были на елке, и до этого никто не говорил им, что нельзя брать того, что висит на ней, они не тронули ничего и только с любопытством и радостью смотрели на нее. Надо было видеть их непринужденное веселье и хохот при появлении других мальчиков в масках и костюмах для рассказа басен Крылова в лицах. Перед раздачей подарков была устроена пляска под пение веселой песни, и большинство плясало в масках. Подарки раздавались не по жребию, а по определению воспитателей, и, несмотря на это, у нас не было ни одного недовольства подарком, что редко бывает на елках.

Поведение детей на елке и за последнее время показало нам, что можно сделать из детей за такое короткое время и даже при тех ненормальных условиях, в которых находится приют". Это было записано в „Дневнике" воспитателем за 10-е января 1907 года. А вот что там же записала учительница-воспитательница С. вскоре после своего приезда в приют и по ознакомлении с ним, через месяц с небольшим (17 февр.) после первой записи. „Приют произвел на меня самое приятное впечатление. Можно только удивляться тем блестящим результатам, которые достигнуты в такое короткое время. Со стороны воспитателей положено столько любви, энергии и знания дела. Отсутствие всякой принужденности. Дети чувствуют себя так свободно, столько простоты и искренности. С каким доверием и любовью они относятся к своим воспитателям! Как высоко их умственное развитие! Столько жажды знания! Любовь их к школе: надо только видеть эти оживленные и радостные лица по возвращении их оттуда. В других приютах все внимание обращено только на внешний лоск, а к внутреннему содержанию относятся совершенно равнодушно. Благодаря обширным познаниям в деле воспитания у воспитателей приюта, он может служить образцовым учреждением в воспитательном деле по своей постановке". Почти через 9 месяцев после этой записи новый воспитатель Ж. там же пишет (6 ноября 1907 г.): „Вот уже полтора месяца, как я в приюте. Никогда ранее, за все время своего 12-тилетнего учительства, в подобном учреждении я не был, о приютах вообще был довольно нелестного мнения и никогда не мог предполагать, что мне придется познакомиться с одним из них на практике. В особенности не мог предполагать этого в последние годы, когда я было хорошо и, повидимому, надолго устроился в одной из лучших школ России. Но события последнего года заставили меня оттуда уйти. Я попытался было устроиться в другой области, но страшно соскучился и, несмотря на предубеждение, принял место в здешнем приюте. И я был приятно изумлен. Той скрытой вражды, той

вечной войны „апахов с команчами", которая сплошь и рядом наблюдается в наших закрытых учебных заведениях между учениками и учителями,—я не нашел здесь и следа. Напротив, между воспитанниками приюта и учителями существуют самые искренние, самые семейные отношения. Воспитанники в подавляющем большинстве прямо-таки поражают своей выдержанностью, деловитостью и вообще своим высоким нравственным уровнем. Всякий знает, каким злом во многих учебных заведениях являются, напр. ложь, лицемерие, донос, порча мебели, циничные надписи и разговоры, табакокурение и даже воровство. Здесь я не видел ни одного изрезанного стола, ни одной надписи, ни одного случая присвоения чужой вещи. Отдельные попытки лжи и наговоров на другого, правда, время от времени возникают, но надо видеть, какое встречают они единодушное осуждение со стороны всех остальных воспитанников, чтобы не бояться за распространение этой нравственной заразы. В виде примера приведу попытку И. Ф. очернить (в октябре) на общем собрании одного из своих товарищей—уполномоченного М. В результате И. Ф. остался один и ему пришлось выслушать от своих товарищей столько, что он вряд ли когда еще решится чернить другого. Высокий нравственный уровень воспитанников я об'ясняю осмысленным трудовым режимом и наличным составом преподавательского персонала. Не менее высоко стоит и учебная сторона. В этом отношении наиболее видны мне III и IV отделения (классы), с которыми мне пришлось заниматься. Главным предметом школьного преподавания до сих пор было об'яснительное чтение. Главной задачей—развитие в детях интереса к знанию, развитие вдумчивого и критического отношения к окружающему миру. И надо отдать полную справедливость: мой предшественник достиг в этом отношении весьма многого. Дети поражают своей пытливостью, а некоторые прямо-таки настоящей жаждой к знанию".

Кроме бывших воспитателей, лестно отзывались о приюте и посторонние лица, посещавшие приют, но, к сожалению, не заносившие своих впечатлений на бумагу.

Многих удивляла непринужденность и в то же время учтивость, с которой дети держали себя в приюте не только перед воспитателями, но и перед посторонними людьми и даже начальством. Многим бросался в глаза цветущий вид воспитанников приюта и их здоровье. Порядок, поддерживаемый самими детьми во время всякого рода празднеств, развлечений, работ и проч. многим казался тоже весьма удивительным.

Конечно, кроме светлых сторон, приют имел немало и теневых. Но воспитатели приюта не закрывали глаза на них, а, наоборот, видели их лучше, нежели посторонний глаз, и, по мере сил, боролись с ними. К сожалению, некоторые из них

были выше их сил и зависели не от их власти. Так, я в самом начале указывал учредителям приюта на казарменность постановки воспитательного дела в приюте. Чтобы воспитание давало лучшие результаты, необходимо было, по моему мнению, организовать приют по семейной системе, т. е., чтобы на каждого воспитателя приходилось не более 10—15 человек питомцев одного, приблизительно, возраста, чтобы каждая семья помещалась в отдельном флигеле и жила в условиях более или менее семейной обстановки. Со мной соглашались, но... отсутствие средств оставляло все в первоначальном состоянии. Предполагалось в начале возникновения приюта, что в приюте будут воспитываться не только мальчики, но и девочки; однако, впоследствии по той же причине пришлось отказаться и от этой мысли. Длина рабочего дня детей тоже была велика, 9—10 часов работы для детей 8—15 летнего возраста—слишком много. Но, к несчастью, воспитательский персонал и тут ничего не мог поделать. Отсутствие средств не давали возможности содержать в образцовом виде приютского хозяйства, библиотеки, наглядных пособий и т. п. Затем вмешательство учредителей в воспитательную часть приюта тоже тормозило дело: воспитатели стали больше считаться с желаниями учредителей, а не с педагогическими взглядами своего руководителя—заведующего приютом: появился раскол между воспитателями, а затем и развал приюта—нелады между воспитателями и заведующим, заведующим и учредителями. Результатом всего этого был уход сперва двух воспитателей, а затем и заведующего из приюта. Затем появились новые птицы и запели новые песни. Три же года, проведенные мною в приюте, не пропали для меня, да, смею думать, и для моих питомцев даром: они обогатили меня большим опытом в деле воспитания, а питомцам дали возможность научиться жить трудовой и честной жизнью.

VII.

Школа должна быть такою, которая учит не только словами и книгами, но еще и гораздо больше практическим опытом.

Кершинштейнерг. [1])

Чтобы у читателя составилось более выпуклое и ясное представление о жизни новой школы, я приведу обзор жизни за целый год, по месяцам, почти в том виде (с небольшими сокращениями), как он мною делался в детском журнале „Весна“.

---

[1]) Трудовая школа.

1. Апрель 1908 года. [2])

Приступая к краткому изложению жизни приюта за истекший месяц, я должен сказать несколько слов о ходе весны или, правильней, о состоянии погоды за этот месяц, так как от хорошего или плохого ее состояния зависит то или другое распределение дня и расписание работ, учебных занятий, отдыха и проч. т. е.—проще говоря - весь строй жизни приюта. Конец марта был сравнительно теплым, и массы снега, нанесенного в феврале, начали довольно быстро исчезать, так что к началу апреля снегу осталось немного, а в первых числах апреля стаял и последний, и земля начала просыхать. Затем с течением времени, делалось все теплее, и весна постепенно вступала в свои права. Месяц этот оказался дождливым, а потому теплых и ясных дней было мало. Тем не менее, природа пробуждалась.

Сообразно с ходом весны шли в приюте и работы. Пока еще было много снегу, дети, не посещающие по малолетству, столярной мастерской, разбрасывали сугробы снега от зданий приюта, таскали в приютские помещения дрова и антрацит, набивали навозом и землей парники. Когда же снег стаял и земля несколько просохла, приступлено было к бороньбе и посеву яровых, для чего пришлось уже брать из мастерских старших воспитанников. Эти мальчики обыкновенно уже не отрывались от полевых работ и не посещали ни мастерской, ни училища. М. П. и Б. Я., как умеющие обращаться с сеялкой, работали все время бессменно, а другие поочереди, поденно. 10 апреля настолько уже было тепло, что необходимо было приступить к посеву огородных растений. Тем более с этим нужно было спешить, что наступали пасхальные праздники (с 13 по 16 включительно), когда должны были приостановиться все работы и без того уже запоздавшие, благодаря поздней весне. Ввиду того, что все лошади заняты были полевыми работами, огород пришлось вскапывать лопатами, а потому пришлось на этот день приостановить школьные занятия и работы в мастерских и отправить всех детей работать в огород. Детвора соскучилась за зиму по сельско-хозяйственным работам, а также по свежему воздуху и работала с увлечением: в течение дня весь огород не только был вскопан, взборонен граблями, сделаны грядки, но и частью засеян репой, луком, чесноком и др. растениями. На другой день предполагалось окончить посев и начать садить картофель, но, к сожалению, мои планы не осуществились, так как с раннего утра пошел дождь, который и заставил прекратить эти работы до

---

[2]) Журнал начал выходить с апреля месяца.

после праздников. Удалось только засадить небольшой кусок огорода картофелем и засеять несколько грядок луком. После праздников продолжались все эти работы до их окончания. Школьные занятия и работы в мастерских до 10-го апреля производились по зимнему расписанию. После праздников было введено летнее расписание. Но жизнь приюта за апрель месяц, как впрочем и всегда, состояла не только из школьных занятий, работ в мастерских, в саду, поле и огороде, но и из часов отдыха и игр. Игры и развлечения играют громадную роль в жизни и взрослого человека, в жизни же детей—*это главная и непосредственная цель самой их жизни.* А поэтому правильно поставленные здоровые игры и развлечения имеют громадное значение в воспитательном отношении как физическом, так и нравственном. Педагогический персонал приюта всегда имел это в виду, а потому к играм относился весьма серьезно. Прежде всего, обращено должное внимание на то, чтобы количество часов работы в школе, мастерских, саду и поле, не было обременительным для детей школьного возраста и чтобы у них было достаточно свободных часов как для сна, так и для отдыха и игр. С этой целью сутки в приюте разбиты на три такие части: 1) 9 часов работы, 2) 9 час. сна и 3) 6 час. на прием пищи, игры и развлечения. Это распределение суток для детского возраста далеко нельзя назвать идеальным, так как 9 час. работы для них еще слишком много, а 6 часов на игры и развлечения слишком мало. Но, имея в виду краткость пребывания многих старших воспитанников в приюте, которые должны за это время все-таки чему-нибудь выучиться настолько, чтобы самостоятельно зарабатывать себе кусок хлеба, а также и то, что работы в приюте не только разнообразятся (школа, мастерские, сад, огород, поле), но и не продолжаются без перерыва более двух часов—это распределение нужно признать довольно удовлетворительным, что самые младшие дети почти всегда отпускаются с работы несколько раньше старших. 6 часов отдыха в течение дня распределяется следующим образом: на завтрак, обед. чай и ужин уходит 2½ часа и 3½ часа собственно на игры и развлечения. Это в будни. В праздники свободного времени у детей, конечно, гораздо больше. В эти дни дети (кроме дежурных, которые и в праздники почти все время заняты)—ничего не делают и предаются исключительно играм и забавам. Игры и развлечения у детей довольно разнообразные. Многие из них одни и те же в течение всего года, как напр.: борьба, возня, рисование. чтение книг; другие же устраиваются только в известное время года, так, напр.: катанье на коньках, лыжах и салазках—зимою, игры в мяч, футбол, камешки, уженье рыбы—весною и летом, городки,

„свинтухи“—осенью. Все поименованные игры и забавы дети производят вполне самостоятельно, хотя часто воспитатели и принимают в них непосредственное участие. Но, придавая огромное воспитательное значение играм и развлечениям, много таковых устраивается и воспитателями—порознь каждым, как вечерние чтения, рисование, клейка или же совместно, как устройство разного рода празднеств, спектаклей, прогулок и проч. С целью дать детям приятное и здоровое развлечение, в приюте введено обучение игре на духовых и струнных инструментах. Дети так увлекаются последнего рода занятием, что играющие в оркестре буквально все свободные часы посвящают музыке. И надо отдать им справедливость: за короткое время (2—3 мес.) они настолько овладели инструментами, что уже в состоянии под руководством своего учителя сыграть марш, польку и несколько песен. Одним из приятных развлечений для некоторых воспитанников было писание статей, рассказов и сказок, а также рисование картинок для школьного журнала „Весна“. Сделавши общий обзор игр, забав и развлечений, устраиваемых в приюте, я перечислю теперь те из них, которые устраивались в истекшем месяце. Как только появились сухие проталинки, так сейчас же с азартом открылась игра в мяч, которая с неослабевающим интересом продолжается и до сих пор. Заброшены книги, рисование, клейка—и все ради мяча. Малыши, кроме мяча, еще любят игру в камешки. Вторым, не менее интересным—если не более—развлечением в этом месяце было лазанье по деревьям и выбирание грачьих яиц. Все поголовно, начиная с самых маленьких и кончая самыми большими, с наступлением теплых дней, особенно перед праздниками пасхи, взбирались на гигантские березы, ясени, тополи и липы в саду и выбирали яйца грачей. Некоторые мальчики перед праздниками собрали до 200 штук.

Последнее развлечение не поощрялось, но и не запрещалось. Не поощрялось, во-первых, потому, что грач все-таки более полезная птица, нежели вредная, а, во-вторых, потому, что это удовольствие сопряжено с опасностью упасть с дерева, особенно для малышей, которые не отстают от старших. Не запрещается же, прежде всего, потому, что всякие запреты еще более привлекают и соблазняют многих нарушить их; потом, зная, что выбирание яиц запрещается и за это наказывают, ребенок, не вытерпев и взобравшись высоко на дерево, при виде учителя может испугаться и упасть с дерева; далее, лазанье по высоким деревьям развивает в детях ловкость и мужество—черты, далеко не лишние для современного человека, и, наконец, грачи, поселившись в саду на деревьях аллей, совершенно загаживают их. Неменьше дети увлекались устройством скворешен и установкою их на деревьях. Большими сим-

патиями у детей пользуется и такое занятие, как приготовление грядок для собственных посевов: арбузов, огурцов, гороху, репы, редиски, цветов и т. п. Не успел еще хорошо стаять снег, как большинство детей наперебой захватывает лопаты и землю для этих грядок. Хотя, надо правду сказать, у многих интерес к своему собственному хозяйству продолжается не более одного дня; но есть и такие мальчики, которые все лето ухаживают за своим огородом с усердием, заслуживающим всякой похвалы. Сейчас грядки имеются почти у всех, но далеко не все хорошо их обработали. С неменьшим интересом отдаются дети и уженью и ловле рыбы на пруду. Не успел хорошо оттаять пруд, как многие из ребят исправили удочки и самоловы и отправились на пруд. Многие так увлекаются этой забавой, что ее предпочитают экскурсиям и прогулкам, устраиваемым воспитателями. Удачной ловли, однако, до сих пор не было ни у кого, и кроме десятка, полтора мелких пескарей и 1—2 раков до сих пор еще ничего не было поймано. С появлением в саду цветов—подснежников, анемонов и др., детвора набросилась с увлечением и на них: собирала их, делала букеты для себя и учителей; некоторые из детей, нарвав целые кучи, тут же их и бросали, а некоторые собирали не столько самые цветы, сколько их луковицы и ели, зато и поплатились рвотой и расстройством желудка.

Из развлечений, устроенных учителями в этом месяце, были: 1) обычные вечерние чтения дежурных воспитателей, хотя и не каждый день, так как дети с наступлением весны стали больше утомляться физически, раньше ложиться спать и меньше слушать чтение воспитателя; 2) экскурсия на второй день пасхи всем приютом на курганы, отстоящие в 4 вер. от приюта и представляющие собою самую высокую точку (1200 футов над уровнем моря) всего нашего района. С этих курганов открывается широчайший горизонт во все стороны, и мы любовались его сизоватой дымкой долго, а также восхищались заводами, отстоящими от нас верстах в сорока. Тут же была затеяна игра в мяч, в которой принимали участие как воспитанники, так и воспитатели. Домой возвратились уже к вечеру. 3) Прогулка в Ф. школу, с заходом в каменноугольные шахты и на скалы около дер. Ф. Это было самое торжественное и самое удачное событие в жизни приюта за минувший месяц. Прогулка эта предполагалась очень давно, и к ней долго готовились. Музыканты особенно старались, так как эта прогулка предполагалась с музыкой. Дня, однако, вперед никак нельзя было указать, т. к. все праздники стояла плохая, дождливая погода. 16 апреля погода несколько улучшилась, и вот совершенно неожиданно было решено осуществить давно задуманную прогулку. Собрали детей и музыкантов и шумной толпой

двинулись через свой сад, а затем крестьянское поле и, перейдя Федоровскую балку, приют очутился на высокой обрывистой скале, где ударил оркестр выученный марш. Так как это происходило недалеко от деревни, то вся почти деревня, услышав духовую музыку, сломя голову, бросилась навстречу нашей компании. Тут бежали и дети, и взрослые, и старые и молодые, и мужчины, и женщины, и мальчики, и девочки. Особенно красивое зрелище получалось издали, когда вся эта толпа, окружившая 50 душ наших детей, рассыпавшихся на большом пространстве, под гром музыки торжественно двигалась к Ф. школе, куда мы все были приглашены учительницей этой школы. Тут все дети были приглашены в здание училища, где хозяйкой всем нам предложен был чай. Нами же, учителями, за свой счет было приобретено несколько фунтов пряников, конфект, орехов и сахару. Дети были в восторге как от неожиданных гостинцев и приема, так и от того внимания, которое им уделялось всей деревней. Музыкантами здесь было сыграно все то, что разучено было ими к праздникам. Из школы все мы вышли около семи часов вечера и направились старой дорогой домой. При этом шествие двигалось с частыми остановками, сопровождавшимися музыкой. Получилась какая-то торжественная процессия. Особенно получилась волшебная картина, когда процессия остановилась над высоким (около 20—25 сажен) обрывом, и оркестр заиграл „Ой у лузи, тай ще при березі, червонна калына“. Были уже сумерки. Внизу журчал ручей. По скалам рассыпалась детвора. Оркестр, окруженный толпой провожавших крестьян, стоял на самой высокой точке у самого обрыва и торжественно и скорбно выводил мелодию, напоминающую не то похоронный марш, не то льющееся и никак не могущее излиться тяжелое горе. И сладко, и тяжело было слышать и видеть эту фантастическую картину. Музыка утихла, и все с шумом начали спускаться со скалы в балку, со смехом и шутками переправляться через бежавший по самому дну балки поток. Переправившись через балку, музыка еще раз прогремела „Солнце всходит и заходит“ и двинулась по направлению к приюту. Крестьяне после этого стали расходиться по домам. В приют вернулись мы около 8 час. вечера, усталые все и довольные.

Кроме описанных прогулок, было в этом месяце еще несколько, но они уже не носили такого торжественного характера, хотя и были для детей очень интересными.

Из других событий, совершившихся за истекший месяц, более или менее важных в жизни приюта, следует назвать: уход из приюта экономки, приготовление к праздникам, встреча и проводы их; общее собрание приюта и выборы уполномоченных, приезд новой экономки и учредителей приюта и, на-

конец, несчастный случай с воспит. Р. По поводу каждого из этих событий я скажу несколько слов. Уход экономки имел для приюта отрицательное значение тем, что совершился как раз перед такими большими праздниками, как пасха, когда ее присутствие необходимо было в приюте более, чем когда бы то ни было в другое время. К праздникам было необходимо заготовить более 1000 яиц, пуд творогу, столько же почти коровьего масла, несколько пудов мяса, муки, напечь на три дня куличей и сырных пасх для 80 душ детей и служащих в приюте; приготовить стол для разговенья; перестирать все белье и костюмы; выдать детям к празднику костюмы, фуражки, сапоги, пояса и белье. Всю эту громадную работу пришлось нести заведующему приютом и воспитательнице. Праздники встретили и проводили, несмотря на дурную погоду, очень весело. Что праздники в приюте проходят нескучно, доказывают следующие примеры. Домой, к родным на праздники из 72 душ детей ездило всего 16 душ, несмотря на то, что к поездкам домой препятствий не ставится. Были примеры обратного свойства. Несколько человек отказалось ехать домой, хотя их братья и поехали туда (И. М. и А. Б.), а один—Ив. Сл.—не только не поехал домой, когда за ним приехал его дед, но даже спрятался от него на чердак, боясь, что тот возьмет его насильно. Старик так был огорчен таким поступком своего внука, что, когда приехал домой, говорят, плакал, как ребенок. 20 апреля состоялось общее собрание детей и воспитателей приюта, на котором были обсуждены и решены следующие вопросы: 1) Наказания за дразнение признаны были излишними и большинством голосов отменены. [1]) 2) За опоздание, без уважительных причин, к обеду, чаю, завтраку и ужину постановлено оставлять виновного без того кушанья, к которому опоздал, выдавая однако ему хлеба, сколько он потребует. 3) За опаздывание на работы, в класс и мастерские—лишать, смотря по обстоятельствам дела, игры в мяч, прогулок в сад и на пруд. 4) Уполномоченные во всех отделениях (группах) избраны новые. К выборам, да и к самому собранию ребята отнеслись поверхностно и довольно инертно. Вероятно, важной причиной такого отношения детей к собранию была прекрасная весенняя погода, стоявшая в этот момент на дворе и неодолимо тянувшая их к себе. 27 апр. произошло большое несчастье—восп. Р. упал с дерева и так ушибся, что лишился сознания. Его падение видели некоторые мальчики, бывшие с ним в саду.

Из воспитателей первыми узнали С. и Ж., которые и принесли его с помощью детей в приют. Событие это произвело

---

[1]) Раньше собрание постановило дразнящих наказывать лишением обеда—первого блюда.

на весь приют удручающее впечатление. Тотчас была послана подвода за врачем, а до его приезда клали на голову пострадавшего пузырь со льдом и ноги согревали горячими бутылками с водой. Врач нашел состояние здоровья больного неопасным для жизни, но предписал покой. Больной вскоре оправился совершенно.

2. МАЙ.

Как и в прошлом месяце, я свой обзор жизни приюта за месяц начну с погоды. Май в этом году оказался холодней обычного. Благодаря общему запозданию весны, все полевые, огородные и садовые работы тоже сильно запоздали. Так, посев полевых растений закончился только второго мая (магар), а огородных 10-го (кукуруза). Посадка же цветов в грунт и капустной рассады продолжалась до конца месяца. Запоздание некоторых работ об'ясняется не только запозданием весны, но и тем обстоятельством, что до 21 мая не было ни одного дождя. Насколько в апреле их было много, и земля была сыра до невозможности на ней работать, настолько в мае она засохла. После апрельских сильных дождей везде быстро начала расти сорная трава, в то время как культурные растения, за отсутствием тепла, не всходили или же, если взошли, то сидели неподвижно. Особенно же много появилось сорной травы на тех огородних участках, где земля была вспахана с осени, а весной, за недостатком живого и мертвого хозяйственного инвентаря, не перепахивалась. Ввиду этого полка сорных трав в этом году началась очень рано (10 мая), когда некоторые посеянные растения еще и не всходили, как напр., картофель. Благодаря сильно засохшей земле (прошлогодняя вспашка), работа эта оказалась весьма тяжелой для детей и губительной для орудий обработки (мотыг). Но как бы ни были неблагоприятны атмосферические явления и общие условия экономической жизни приюта, все посевы окончены своевременно и хорошо. Теперь идут только полка огородов, посадка и поливка капусты. Малыши же в этом месяце собрали щебень со двора и огорода, чистили и мели дорожки в саду и пололи пшеницу. Кроме этих работ, все дети занимались ежедневно от 2 до 2½ часов в классе и немного в мастерских. До 15-го мая школьные занятия начинались в 10 час. утра и оканчивались в 12 дня, а с 15-го начинаются в половине 9-го и оканчиваются в 11 час. утра. Такое изменение часов школьных занятий произошло по следующим соображениям. С наступлением теплых дней, педагогическим советом решено было, по примеру прошлого года, установить перед обедом общее купанье детей в приютском пруду. Для этого необходимо было отвести

час времени перед самым обедом, а уроки передвинуть ближе к завтраку. Так как летом постановлено советом заниматься всего два часа в школе, то между завтраком (8½ ч. у.) и школьными занятиями (9 ч.) оставалось полчаса свободного времени, которое нельзя было отвести под работы в саду или огороде, за его краткостью, то решено было и эти полчаса употребить на классные занятия. В мастерской дети работают в те же часы, что и в апреле месяце. Игры практиковались те же, что и в апреле: мяч, жмурки и т. п. По особенно дети увлеклись новой игрой—в крокет. Бывали случаи, что играющие предпочитали игру обеду и ужину. Игра эта здоровая во всех отношениях, а потому не только не запрещалась, но даже и поощрялась. Так, самые приборы для игры были приобретены заведующим приютом за свой счет; площадку же для игры расчистили дети сами под руководством воспитателей. Эта игра им настолько нравится, что многие задумали шары и молотки для себя сделать в мастерской сами. Читали дети в истекшем месяце самостоятельно мало. В свободные часы от приютских работ они больше играли и работали на своих грядках. Насколько дети увлекаются собственным хозяйством, показывают следующие факты. В виду того, что в рабочее время дня все поливальницы бывают заняты, многие мальчики, желая обильно поливать свои грядки, встают сами и других, по просьбе, конечно, будят в 4—5 час. утра и, пока товарищи проснутся, они успевают полить и ополоть свои огороды. Таким же вниманием попрежнему пользуется ловля рыбы самоловами и удочкой. Многие ребята встают рано утром и отправляются на пруд вынимать самоловы. Рыбы теперь ловится порядочно, что еще больше подзадоривает детвору. В начале мая дети увлекались купаньем, но с тех пор, как было им позволено купаться сколько они хотят, а в особенности с тех пор, как их обязали купаться ежедневно в 11 час. дня перед обедом—охота к купанью у детей сильно понизилась.

Некоторым даже приходится не раз напоминать об этом. Это обстоятельство об'ясняется отчасти тем, что запрещенный плод—сладок, а навязанный—горек и противен, а также и тем, что жарких дней в мае было все-таки мало. С большой охотой дети ходят за грибами. Эта охота наделала даже порядочно убытку огороду приюта. Дело в том, что эти грибы (шампиньоны, или, как дети их называют, печерицы) растут в огороде, засеянном кормовой свеклой, где когда-то были лошадиные ясли. Почва здесь очень жирная, а потому мягкая и удобная для произрастания этого гриба. Зато же его тут и уродило—масса! И вот дети, вырывая и раскапывая землю, довольно большой кусок огорода буквально уничтожили.—Из отдельных событий истекшего месяца заслуживают внимания следующие.

От‘езд учителей-воспитателей (двух) в отпуск. Этот от‘езд сказался прежде всего на школьных занятиях. Первые дни после их от‘езда новые учителя, [1]) приехавшие на место уехавших в отпуск, только знакомились с детьми и их познаниями, а потому, конечно, не могли продолжать классные занятия в том же об‘еме. Первые дни их пребывания в приюте для школы поэтому надо считать бесполезными. То же самое должно сказать и относительно работ с воспитательной стороны дела. Это переходное время приюта, к несчастью, затянулось на целую половину месяца, т. к. за отказом приглашенного раньше учителя, пришлось обязанности одного из уехавших передать временно проживавшей с мужем учительнице, а затем уж приглашенному на все лето учителю. Но дело, тем не менее, понемногу наладилось, и теперь все идет своим чередом. Не преподаются только черчение и рисование, за отсутствием специалиста, но зато ведется одним из вновь приглашенных учителей пение. К новым учителям дети уже привыкли и относятся к ним, как и к старым, хорошо. Первое же время несколько дичились и сторонились. 6-го мая была устроена общая прогулка с музыкой в лес. Хотя погода была ветреная и довольно холодная, но прогулку можно считать удачной. Дети в лесу много резвились, лазили по деревьям, собирали цветы и птичьи яйца для коллекции. На обратном пути зашли было на местную железно-дорожную станцию, чтобы отдохнуть и напиться воды. Тут собралось много местной публики, зевавшей на нашу детвору и в особенности на музыкантов и их инструменты. Некоторые из публики просили детей сыграть что-либо. Бывшие здесь помощники нач. ст. тоже поддержали эту просьбу. Но вот является представитель порядка на станции, ж.-д. жандарм, и запрещает играть, т. к. на это, по его мнению, нужно иметь разрешение от высшего начальства. Мы не возражали и возвратились домой. В этом месяце было очень много праздников, но прогулок в лес устроено было сравнительно мало, особенно по сравнению с прошлым годом, когда буквально каждый праздник устраивалась прогулка в какой-либо лес или балку. Об‘ясняется это отчасти тем, что ожидали все подходящей погоды, а также и тем, что прогулки в этом году для детей не такая новость, как это было в прошлом году, а также массой новых удовольствий в самом приюте: игра на музыкальных инструментах, игра в крокет и т. п.

3. Июнь.

Погода в истекшем месяце не отличалась устойчивостью: тихие дни быстро сменялись ветреными, жаркие—холодными, ясные—пасмурными и даже дождливыми. Тем не менее, хоро-

[1]) На время отпуска воспитателей на их место приглашались временно народные учителя.

ших дней было много, а население приюта с восторгом наслаждалось ими. Растительность в саду, поле и огороде в этом месяце достигла апогея своей силы и красоты. Сад, со своими покрытыми высокой травой и пестрыми цветами полянами и темными от нависших тенистых ветвей деревьев и кустов аллеями, звал и тянул всех нас к себе неодолимо. Зелень роскошной растительности огорода и волнующееся море хлебов в поле тешили и ласкали глаз своей мощью и красотой. Одним словом, июнь—цветок лета. Цветком он был и в трудовой жизни приюта. В этом месяце были закончены весенние школьные занятия и работы в мастерской (14 июня) и установлены небольшие каникулы, состоящие в том, что дети не занимаются в классе и мастерских, а работают только в саду, поле и огороде и то уменьшенное количество часов. Теперь с 11 часов утра и до 4 ч. дня дети совершено свободны от всяких занятий и предаются своим любимым играм и развлечениям. Рабочих часов набирается сейчас не более пяти, и дети, действительно, теперь отдыхают. После беспрерывного года труда этот отдых, не только заслужен, но и безусловно необходим: иначе у детей получится апатия ко всякому труду и отвращение к самому приюту. Тем более необходим этот отдых, что в июле месяце начнется уборка хлебов, когда дети с раннего утра и до позднего вечера будут за тяжелой работой. Следовательно, необходимо, чтобы дети передохнули и собрались с силами к этому труду. Сейчас же происходит полка и поливка огородов и цветников, косьба травы и уборка сена. Малыши таскают щебень и мелкий камень на постройки, которые происходят в приюте. В начале месяца маленькие дети пололи пшеницу. Время сенокоса для детей является праздником. Старшие (от 13 до 16 лет) косят, а средние (10-12 л.) сгребают сено. Особенно с большим удовольствием мальчики косят: желающих косить всегда является больше, нежели имеется кос в приюте. И это делается с удовольствием, несмотря на то, что косари косят весь день, т. е. не делают трехчасового отдыха между обедом и чаем и оканчивают работу позже обычного (около 8 час. вечера).

Из развлечений дети попрежнему увлекаются игрой в крокет, купаньем и ловлей рыбы и раков. Попрежнему большинство с охотой ухаживает за своими грядками; некоторые же запустили их и даже забросили. Когда зацвели розы, то некоторые из детей, имеющие деньги, покупали сахарный песок и варили в саду для себя из роз варенье. Из отдельных событий заслуживают внимания следующие. Литературно-музыкально-вокальный вечер (1 июня), ушиб деревенского мальчика воспитанниками приюта, собрание приюта (7, 15 и 16 июня), заседание комитета приюта (12 июня), прогулка в лес

(22 и 23) и оскорбление воспит. Д. К. экономки приюта. По поводу каждого из этих событий считаю нужным сказать несколько слов. Месяц начался из ряда вон выходящими событиями: литературно-вокально-музыкальным вечером и ушибом деревенского мальчика. Начну с последнего случая. Первого июня был большой праздник—троица. Погода стояла чудная: ясная, тихая, теплая. Природа, казалось, тоже праздновала: деревья, кусты и земля были одеты в зеленые бархатные одежды и разукрашены мириадами пестрых цветов. Утро было свежее и светлое. Воздух оглашался пением соловья, кукушки, жаворонков и звоном колоколов. Дети, проснувшись и принарядившись в новые синие костюмы, радостно себя чувствовали. Но эта радость была омрачена печальным событием. Слышим, женщина около приюта рассказывает, что приютские мальчики „задавили" ее ребенка. У меня сердце так и упало. Но я все-таки ничего не понимаю. Какие мальчики? Где они могли задавить ребенка? Она раз'ясняет—вели лошадей с покосу по деревне, быстро бежали и наскочили на гулявшего на улице ребенка. Тут я все понял. Подавленный этим неприятным известием, я бегу в приют и опрашиваю пастухов. Те отвечают, что И. М. ударил лошадь Б. в то время, когда проезжали улицу. Лошадь Б. помчалась и наскочила на мальчика, сбила его с ног и сильно ушибла. Ушибленному ребенку немедленно в приюте приложен был пузырь со льдом и сделана перевязка. Ушиб оказался неопасным для жизни. Пастухам мною был сделан строгий выговор за быструю езду по деревне и запрещена езда впредь по улицам, а И. М. послали извиниться перед матерью ушибленного ребенка за причиненное ей и ее ребенку страдание. Вечером тяжелое впечатление дня понемногу сгладилось, и дети веселились вовсю. Чертежный зал был декорирован зеленью и цветами. Вечер открылся музыкой. Детский духовой оркестр играл марш. Затем произносились воспитанниками стихотворения и басни, в соответствующих костюмах. Стихи и басни говорились детьми с увлечением. После каждых 2—3 стихотворений или басен пел детский хор народные песни. Были спеты „В темном лесе" „Вдоль да по бережку", „Эй, цыган", „Сени", „Тумба" и др. В третьем отделении вечера поставлен был отрывок из комедии «Недоросль», который детьми был разыгран прекрасно. Вечер закончился музыкой, пением, пляской и раздачей конфект и пряников, пожертвованных учредителем П. 5-го июня было общее собрание по поводу ловли рыбы в пруде. Мною была запрещена ловля рыбы для частного употребления; я приказал всякую пойманную рыбу отдавать на кухню для общего стола. Многим это распоряжение не понравилось и они потребовали его обсуждения и

пересмотра на общем собрании. Большинство настаивало на старом порядке, т. е. кто поймал, тот пусть и ест. Я согласился на это требование, но с условием, чтобы посуду, взятую для жаренья рыбы, взявшие мыли сами, а не кухарки; затем, чтобы масло или сало покупалось ими за свой счет, и, наконец, чтобы в кухне при обжаривании рыбы не толпилось много народу, а жарили бы рыбу 2—3 человека, выбранные для этой цели товарищами. Дети согласились со всеми этими моими предложениями, и вопрос был исчерпан. Под конец собрания были рассмотрены еще кое-какие более мелкие вопросы. 15-го опять было собрание, на котором обсуждался поступок С. и Б. Они опоздали на ужин, а потому и были дежурным воспитателем лишены последнего. Вместо того, чтобы подчиниться распоряжению воспитателя, они дерзко стали требовать у экономки молока себе на ужин. Когда же экономка им отказала, они пошли к другим воспитанникам, еще в это время ужинавшим, отняли у них остаток молока и с‘ели. На собрании они сознали свою вину и дали обещание впредь так не поступать, а потому и были прощены собранием. 26 июня было новое и последнее собрание в этом месяце. На нем обсуждался весьма дерзкий проступок К., состоявший в том, что он словом и действием (толкнул) оскорбил экономку приюта. На собрании учительской корпорацией была выяснена детям вся неприглядность поступка К. и необходимость вежливого и корректного отношения ко всем людям, и к живущим в приюте в особенности. Собрание почти единодушно осудило поступок К. и об‘явило ему свое отчуждение от него, пока он не сознает своей вины и не попросит у потерпевшей извинения. К. все время молчал. 12-го июля состоялось заседание комитета приюта, состоящего из гласных двух земств и учредителей приюта. В истекшем месяце прогулок в лес было сделано мало—всего две. Это об‘ясняется тем, что в самом приюте дети по праздникам находили массу развлечений (игра в крокет, купанье, рыбная ловля, игра на музыкальных инструментах и проч.), а также и утомлением воспитательского персонала и отсутствием хорошей погоды. 22 июня была устроена учителями прогулка в лес с чаем и конфектами, оставшимися еще от троицы. Прогулка удалась, и дети возвращались вечером веселые и довольные. 29-го на праздник Петра и Павла предполагалась опять общая прогулка в лес, где хотели устроить чаепитие с вареньем, сваренным здесь же самими детьми из крыжовника, собранного в приютском саду. Но, благодаря обильному дождю, шедшему весь день, как из ведра, варенье пришлось сварить в приютском саду, а чай пить в столовой. Несмотря на сильнейший дождь, почти все дети, как цыганята, сидели над костром и следили за варкой ва-

ренья. С криком „ура" и пением песен сваренное варенье было внесено в столовую и с шумом и весельем с'едено.

4. Сентябрь.[1])

Обзор за этот месяц я, по обыкновению, начну с погоды— июль, август и начало сентября были очень сухи; за все это время не было ни одного порядочного дождя; везде—на траве, дорогах и даже садах лежал толстый слой пыли. Благодаря такой засухе, посев озимых запоздал. Зато молотьба и уборка сена и хлеба были удачны. В первых числах этого месяца температура воздуха резко пала. 7-го выпал дождь, который с небольшими перерывами продолжался целую неделю. В это время была посеяна приютская рожь, взошедшая уже дружной щеткой; посеянная же раньше, к концу месяца зеленела бархатным ковром. Как только температура стала понижаться, природа быстро начала убираться в осенний наряд: трава стала желтеть и сохнуть, листья на деревьях приняли все цвета радуги, начиная от светло-желтого и кончая темно-красным. Птицы вереницами потянулись на юг. С сентября тучей двинулись туда же ласточки. Полевые работы давно кончились, осталась одна капуста, да и то в конце месяца была срезана. 24-го запорхали в воздухе первые снежинки— предвестницы близкой зимы. На дворе уже чувствуется приятная свежесть с запахом осени, особенно сильно слышен этот запах по утрам, когда бывает тихо и трава лежит под тонким слоем осеннего инея. Детвора по утрам забивается в теплые углы приютских помещений, откуда их с трудом приходится извлекать для работ во дворе, особенно малышей. Днем же делается тепло, и дети гурьбой высыпают для игр на свежий воздух. Кто бегает наперегонки, кто пускает бумажных голубей, кто возится с товарищами, барахтаясь по земле. Костюмы детей от последнего рода игры сильно страдают. С наступлением сентября и с приездом из отпуска воспитателей и заведующего приютом, в училище и мастерских начались правильные занятия по зимнему расписанию. Школьные занятия начались 5 сентября, а в мастерских немного раньше. Хорошо отдохнувши за лето от школьных занятий, дети с большим удовольствием принялись за классную работу и с охотой работают в мастерских, в особенности в кузнечной. По вечерам теперь дети много читают книг. Чертежный зал буквально переполнен чтецами. Читают много и большие и малыши; читают даже те, кто раньше редко брался за книгу. И только немногие возятся по вече-

---

[1]) Июль и август месяцы я провел в отпуску, а потому и не вел обзора жизни приюта за эти месяцы.

рам друг с другом в рекреационном зале, да музыканты упражняются в помещении столярной мастерской на своих инструментах в игре. Много слушающих окружает теперь и дежурного воспитателя, когда последний читает что-либо вслух перед сном. Даже о журнале „Весна“ вспомнили. В конце месяца многие стали писать статьи для него. Особенно рьяно принялось за это среднее отделение (2-я группа), вообще отличающееся трудолюбием и хорошим поведением. Поведение детей, по сравнению с летними месяцами, вообще резко улучшилось. За последние месяцы они было порядочно „разболтались“, но теперь опять подтянулись. И только встречаются единичные случаи отказа от работы и непослушания, да и то, в большинстве случаев, это происходит между малышами. В общем же можно сказать, что жизнь приюта постепенно входит в колею мирной и трудовой жизни. Из отдельных событий за истекший месяц заслуживает внимания общее собрание детей и учителей приюта (8 сент.), на котором было об‘явлено питомцам постановление педагогического совета, состоявшегося накануне, об отмене института уполномоченных до тех пор, пока дети не исправятся и не будут смотреть на обязанности уполномоченного, как на обузу. На этом же собрании им было об‘явлено, что без разрешения дежурного воспитателя они не имеют права никуда отлучаться со двора приюта (даже в сад) и что нарушающие порядки приюта будут наказываться более строго, нежели то было до сих пор.

5. Октябрь и ноябрь.

С наступлением октября зима резко начала заявлять о своем приближении. Еще первая неделя была теплой и представляла последние дни чудной осени: по утрам были небольшие заморозки, по днем было тихо, ясно и тепло. Природа, как бы прощаясь с летом и его роскошью, принарядилась в последний раз в свои богатые одежды и, полюбовавшись ими 4—5 дней, сняла их совсем и оделась в мрачное и бедное платье. 5-го резко похолодело (днем было всего 2°R), вечером запорхали белые снежинки, а на другой день снегом была покрыта земля. Лист с деревьев, как по мановению волшебного жезла, свалился в течение одного—двух дней, и вместо роскошного наряда осени, везде виднелись голые, точно обгорелые столбы и хворостины деревьев и кустов. До 19 октября все-таки было еще сухо и не особенно холодно. Но вот 19-го с утра пошел „обложной“ дождь, перешедший к вечеру в снег. Температура сильно понизилась—наступила настоящая зима: по утрам мороз доходил до 8—10°R, и земля покрылась до-

вольно толстым слоем снега. Такая погода продолжалась до конца месяца с небольшими колебаниями. В начале ноября холод еще более усилился (2 ноября мороз достиг 14½° R.). Мы все думали, что зима окончательно утвердилась. И приют рад был этому. Хотя рано наступили зимние холода, зато, мы думали, избегли невылазной грязи, которая здесь обыкновенно тянется до самого Рождества. Однако, наша радость оказалась несколько преждевременной. С 5 ноября сильно потеплело, пошел дождь и снег быстро начал таять. Через 3—4 дня от него не осталось и следа. Дождь продолжал лить почти ежедневно, и температура поднималась все выше и выше, дойдя наконец (12-го) до 6°R—выше нуля в тени. В этот день так было тепло, что облака представляли из себя совершенно летнюю картину: разбросались по голубому небу, словно неубранные копны сена, и в одной из них, при заходе солнца, играла радуга. Но после этого дня опять стало холодеть. 18-го выпал новый снег и наступила настоящая зима. С наступлением глубокой осени и зимы работы в саду и в поле прекратились. В октябре еще окапывались фруктовые деревья и чистились парники, а в ноябре, когда сделалось тепло, был обвязан соломой кукурузы молодой сад. И только. На свежем воздухе теперь происходила только уборка малышами и средними, не посещающими еще мастерской, в сарай дров и каменного угля, да очищался снег, когда его выпадало много, от приютских зданий и дорожек. Остальные же дети работали в мастерских—кузнечной, слесарной и столярной. В свободные же часы они попрежнему предавались разным играм и развлечениям. Особенным их вниманием теперь пользовались катанье на коньках и игра в дубинки („ковыньки"). Правда, от той и другой игры сильно страдала обувь, а иногда (от последней) и оконные стекла приютских зданий. По ввиду полезности их для детского здоровья, они не запрещались, хотя некоторым, в виде наказания, эти удовольствия и не дозволялись. В эти месяцы дети с увлечением не только предавались играм, они с большой охотой занимались в училище, много читали, музыканты играли и разучили много нового, писали ноты; в мастерских работа шла также успешно. Общее поведение детей еще более улучшилось, нежели в сентябре. Теперь все, большие и малые, с нетерпением ожидают Рождества, когда должна быть елка. К этому торжеству многие давно уж учат басни, стихотворения, клеят вместе с воспитательницей бонбоньерки и другие изящные вещицы для украшения елки. Некоторые ждут с нетерпением Рождества еще и потому, что хотят навестить в эти дни своих родственников, которых многие из детей не видели по нескольку месяцев и даже лет. Даже учителя, воспитатели, мастера и прислуга ждут этого

праздника с нетерпением, так как каждого ожидают в эти дни свои радости и удовольствия. Выдающихся событий за обозреваемые месяцы в приюте не было.

6. Декабрь.

Декабрь ни по погоде, ни по занятиям детей и играм не представлял ничего особенного. Это был обыкновенный зимний месяц: ни особенно больших мятелей и заносов, ни даже сильных и продолжительных морозов в нем не было.

Жизнь детей и приюта шла тоже нормально—без всяких резких колебаний в ту или другую сторону. Все шло по предусмотренному заранее плану—ровно и спокойно. Даже елка, которая обыкновенно в жизни приюта играет громадную роль, и та прошла без особеннаго блеска. Правда, дети веселились много и были довольны ею, но особенно сильного впечатления на них в этом году она не произвела, как в прошлые годы. Это об'ясняется отчасти тем, что она уже для детей не новость, а отчасти—настроением учителей, руководителей и гостей, которое было не особенно высоко.

Правда, после елки было еще несколько вечеров, на которых питомцы веселились очень много, но и они не представляли из себя чего-либо выдающегося. Особенностью минувших святок было то, что они продолжались две недели, в то время, как раньше—одну неделю. Устроено это было с целью—дать хорошо передохнуть от повседневной тяжелой работы как учителям, так и питомцам. В этом году на Рождестве, как и в прошлые годы, часть детей была приглашена А. А. У. к себе на елку. Приглашенные остались очень довольны елкой и долго рассказывали об этом событии. Около 20 челов. (из 72) детей на праздниках ездили домой, к родным, некоторые возвратились раньше срока в приют, говоря, что дома скучно.

7. Январь и февраль 1909 г.

Январь и февраль настолько были похожи во всех отношениях в жизни приюта друг на друга, что нет надобности описывать их порознь. Даже по погоде и то они ничем не отличались один от другого. Как в том, так и в другом было много мятелей, ветров и морозных дней.

За эти два месяца температура ни разу не поднялась выше 0. Зато опускалась она в некоторые дни до—13° R. (15 и 16 янв.).

В общем оба месяца можно назвать очень холодными для данной местности. Никто из старожилов не помнит здесь такой холодной зимы: ни одной порядочной оттепели не было за два месяца. Благодаря таким холодам, вышло весьма много

топлива и корма для скота. Но холод дурно повлиял только на экономическую сторону приюта, на жизнь же детей он не оказал никакого дурного влияния, а даже, скорей, наоборот, уберег их от всякого рода эпидемических заболеваний. как инфлуэнца, тиф, скарлатина и пр., свирепствующих обыкновенно в гнилые зимы. Правда, несколько случаев заболеваний инфлуэнцей, кашлем и др. легкими болезнями было, но повальных заболеваний не было. Не было за описываемые месяцы резких колебаний у детей ни в умственном, ни в нравственном отношении. Вели себя дети довольно хорошо и учились, за некоторыми исключениями, охотно. Попрежнему по вечерам большинство читает книги и слушает воспитательские вечерние чтения. В мастерских большинство тоже работает усердно. Свободные часы дети проводят, как и всегда, во всякого рода играх и развлечениях. Кроме чтения, рисования и письменных упражнений, многие катаются на коньках и салазках, бегают по двору и саду и возятся в рекреационном зале или во дворе. За последнее время вошло в моду опять деланье луков и стрелянье из них. Некоторые мальчики в праздничные дни отправляются в мастерские и изготовляют там для себя разного рода игрушки и безделушки. Музыканты, по обыкновению, почти все свое свободное время посвящают музыкальным упражнениям. Из отдельных событий за обозреваемый период времени следует указать на музыкально-литературный вечер, общее собрание. празднование 19-го февраля и на вечера, когда устраивались мною для детей чтения с туманными картинками. Литературно-музыкальный вечер был устроен воспитательским персоналом 7-го февраля, в субботу на масленице. В начале вечера была показана живая картина —«Иван царевич с луком» из сказки «О царе Салтане» Пушкина. Картина была довольно эффектная, но того впечатления она уже не произвела на детей, как в прошлом году, когда они видели ее впервые; потом детьми говорились басни и стихотворения. Вечер состоял из четырех отделений. Перед началом и в антрактах играл духовой оркестр приюта. Дети были очень довольны вечером, но особенно они ликовали, когда начались игры и танцы. Играли не только дети, но и взрослые с учителями во главе. Последнее обстоятельство особенно детей подмывало к веселью. Вечер начался в 6 час. в., а закончился около 10. Общее собрание было устроено для обсуждения поведения детей за истекший месяц. Состоялось оно 10 февраля. Празднования 19-го февраля не буду описывать, т. к. оно описывалось мною раньше за предыдущие годы, в этом году оно ничем особенным не отличалось. Большое удовольствие доставляют детям и чтения с волшебным фонарем. Жаль только, что приют до сих пор не имеет своего собствен-

ного хорошего фонаря, почему приходится пользоваться дневным, приобретенным мною за свой счет. За неимением большого подбора картин, к сожалению, нельзя устроить систематических чтений, преследующих более серьезные цели, нежели простое развлечение.

8. Март.

С наступлением марта началась и весна. Весь февраль было холодно и ненастно. Первого марта еще шел снег и мело по-зимнему. Но со 2-го погода быстро пошла на улучшение. При южном, довольно сильном ветре начал таять снег: вечером этот процесс усилился: пошел сильный и продолжительный дождь, продолжавшийся без перерыва двое суток. Когда перестал дождь, поля представляли уже пеструю картину: черные пятна, словно гигантские птицы, распластали свои крылья во все стороны и с каждым днем протягивали и расширяли их все больше и больше, а белые пятна, наоборот, как будто умирали—сеживались и местами совсем исчезали. К половине месяца снегу на полях совсем уже не было, за исключением балок и дворов, где он, сиротливо приютившись около стен и заборов, со страхом ожидал своей участи. 7-го настолько был теплый и ясный день, что затрещали на все лады скворцы и зазвенели жаворонки, прилетевшие еще несколько дней тому назад, но, боясь зимы, не раскрывали еще своего певучего горлышка. С половины марта температура днем стала подниматься все выше и выше—в 2 часа дня она доходила иногда до 7—$8^1/_2{}^0$ R (16-го) в тени. При таком тепле земля быстро начала оттаивать и «паровать». В некоторые дни поля казались буквально об'ятыми пожаром: везде поднимался густой пар столбом. К концу месяца земля было уже начала просыхать, и некоторые крестьяне пробовали даже сеять яровые хлеба. Но с 23-го резко похолодело, и пошел снег; 24 утром было уже 3^0 мороза, который и днем держался. Снег, правда, стаял, но погода не улучшалась: то шел дождь, то снег, то дождь и снег вместе—слякоть получилась невообразимая. И такая погода длилась до самого конца месяца.—Сообразно с ходом весны шло и настроение детей. При хорошей погоде оно поднималось и выражалось в разного рода весенних играх: в снежки, мяч, клец и др., в радостных восклицаниях. При ухудшении погоды понижалось и настроение детей: они становились более угрюмыми и мрачными, подчас капризными; прятались и бежали больше к печам в помещениях приюта, в то время, как при хорошей погоде их трудно туда заманить. Зато школьные занятия и работы в мастерских в такие дни идут лучше и ровнее. В теплые весенние дни они настолько рвутся на свежий воздух и столько там затрачивают энергии,

что когда возвращаются в класс, делаются рассеянными и невнимательными. Но общий под'ем настроения и бодрость духа как в учениках, так и в учителях в хорошую погоду настолько улучшают самочувствие у всех, что в конце концов за это время делается в общем больше дела и качеством оно лучше, чем в холодные и ненастные дни. Вели себя дети и в текущем месяце хорошо: большинство усердно и охотно училось в школе и работало в мастерских. Правда, было несколько случаев нарушения установившихся правил приюта и дети, что называется, начали было «распускаться», но серьезное обсуждение этого явления на общем собрании благотворно подействовало на них, и крупных нарушений правил поведения в приюте не было. На этом же собрании (22 марта) было об'явлено детям, что в этом году на праздник пасхи они будут отпущены всего на три дня, так как наступает рабочее время. На этом же собрании один воспитанник, С. Н., оставлен был совсем без поездки домой. Этот воспитанник дерзнул написать на дверях старой кузницы неприличные слова (это первый и последний случай был за все время моего управления приютом). Когда всем было заявлено о случившейся гадости, и учителя просили сознаться совершившего эту пакость, он молчал. И только, когда он узнал, что воспитанник, видавший как он писал, решил заявить об этом учителям на собрании, он явился к заведывающему и сознался в своей вине. Сейчас этот мальчик ведет пока себя безукоризненно. На этом же собрании постановлено было лазить по деревьям в саду только в присутствии воспитателей и с их разрешения. Праздники для детей прошли довольно скучно, благодаря отвратительной погоде. Им не пришлось много гулять и резвиться на свежем воздухе, как они о том мечтали. Из отдельных событий, совершившихся в этом месяце, заслуживает внимания чествование приютом столетней годовщины (20-го марта) со дня рождения Н. В. Гоголя. В этот день занятий в школе не было, в мастерских и во всем приюте работ не производилось, и дети праздновали. В 9 часов утра было начато чествование. Воспитателем Ж. прочтена была детям краткая биография писателя и сделана характеристика его произведений. Дети слушали с большим вниманием и, повидимому, поняли значение писателя. После прочтения биографии, был сделан небольшой антракт, во время которого играл духовой оркестр, Затем воспитатель С. прочел первую главу из «Тараса Бульбы», а член комитета приюта У.—«Заколдованное место». После этого был устроен опять антракт с музыкой. В заключение мною было сказано несколько слов о Гоголе, как художнике слова, и прочтена его «Пропавшая грамота». Утро закончилось музыкой.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ КНИГА".

Литература о ребенке.

1. **Н. П. Гришаков.** Детская преступность и борьба с нею путем воспитания. 74 стр.

2. **Как изучать дошкольника.** Сборник статей проф. К. Корнилова, Фортунатова, Флериной, Горинеаской, Веселовской и др. под редакцией З. Столицы. 132 стр.

3. **В. А. Рыбникова-Шилова.** Мой дневник. Записки о развитии ребенка от рождения до 3-х лет. 176 стр.

4. **Е. П. Радин.** Охрана здоровья детей и подростков и социальная евгеника. 60 стр (разошлось)

5. **В. Сухова.** Эстетическое воспитание в дошкольном возрасте. 18 стр.

6. **Как изучать ребенка.** Под редакцией Бибановой и Рыбникова. стр. 4+41

7. **К детской психологии и психопатологии.** Сборник статей под редакцией проф. Гуревича, Тутышкина, Иванова и Азбукина. 202 стр.

8. **Н. А. Рыбников.** Психология и выбор профессии. 3-е дополненное издание. 74 стр.

9. **„Педологический журнал".** Кн. 1-я и 2-я.

10. **Подготовка дошкольных работников.** Сборник статей Фортунатова, Аркина, Свентицкой и др.; под ред. З. Столицы. 94 стр.

11. **Методы изучения ребенка.** Сборник статей Рыбникова, Шуберт, Артемова, Бернштейна и Рождественского. Под ред. Н. А. Рыбникова. 144 стр.

12. **Листовки—анкеты:** 1) о детском чтении, 2) о детской дружбе, 3) о влиянии театра на детей, 4) о детских играх, 5) о детских рисунках.

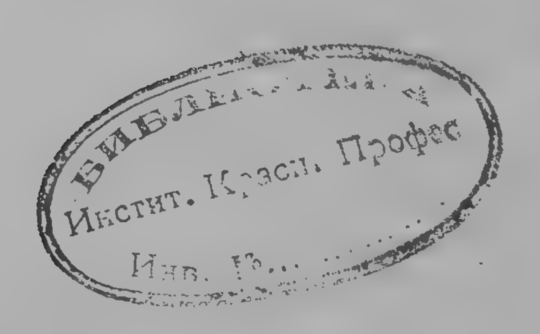
Печатаются и готовятся к печати.

1. **В. Васов** Психотехника и выбор профессии.
2. **Его же.** Дефективные дети.
3. **Составление дневников и характеристик детей.**
4. **„Педологический журнал", Кн. 3-я.**

Издательство принимает заказы на все допущенные Гус'ом учебники, руководства и пособия для всех школ (1-й, 2-й ст. и высш.).

ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЮТСЯ:

Орел, Кооперативная (б. Гостиная) Изд. „*Красная Книга*".
Брянск, Московская, 76, книжный магазин Изд. „*Кр. Кн.*".
Елец, Торговая, книжный магазин Изд. „*Красн. Кн.*".
Москва, Изд. „*Красная Новь*".

6047

